

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

11 декабря 2013 г.

№ 58

2 СУДЬБА ГУМАНИЗМА
В XXI СТОЛЕТИИ

5 НА ВОЛНАХ
ГЛОБАЛЬНОГО
И РОССИЙСКОГО
КРИЗИСА:
ОБОСТРЕНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ

6 ОТРЕТУШИРОВАН-
НЫЙ ПОРТРЕТ

7 НАУКА И ОБОРОНО-
СПОСОБНОСТЬ
В РОССИИ. ПРЕДВА-
РИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

8 ЧЕЛОВЕЧИНА ПОД
СОУСОМ АПОЛИТИЧ-
НОСТИ — 7,
или ТРАНСПЕРСО-
НАЛЬНАЯ ПСИХОЛО-
ГИЯ КАК ОРУЖИЕ

10 ЛЕНИН И «ЭТИ»

Как неслучайна ненависть,
обращаемая «этими»
нынешними уже не на
историческую фигуру даже,
а на ее гранитный образ!

11 БОЛОНСКАЯ ХИМЕРА

12 АРХИТЕКТОР
ПЕРЕСТРОЙКИ
И ДРЕВНИЙ АРКАИМ,
ИЛИ КАК ПОГИБ
КАРАГАНСКИЙ
ГИДРОУЗЕЛ

13 НА ПОРОГЕ
ИЗМЕНЕНИЙ

Обзор работ и высказываний
экспертов крупнейших
«фабрик мысли»
в США в период после
начала «арабской весны»

14 ИТАЛЬЯНСКИЙ
ФАШИЗМ: ПУТЬ
К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

15 ЭЛИТА УКРЕПЛЕНИЯ
ИЛИ РАСПАДА
ГОСУДАРСТВА?

16 БОРЬБА ЗА НОВОГО
ЧЕЛОВЕКА

Чудо, которое необходимо и нам, и Отечеству,
нельзя совершить, занимаясь только практическими делами

Четвертый этаж — 3

Я уже предупреждал читателя о том, что газета «Суть времени» будет достаточно быстро меняться в связи с созданием кафедр «Школы сути». Первыми ласточками этих изменений, носящих идеологический и, одновременно, организационный характер, являются статьи в этом номере газеты. К статьям, написанным руководителями кафедр, всё больше будут добавляться статьи тех, кто успешно проходит обучение на кафедре. И это еще не всё! Ждите более глубоких изменений — номеров газеты, изданных одной из кафедр, например. Да, руководить изданием номера будет заведующий кафедрой. Но писать статьи будут обучающиеся на кафедре.

Но и это не все практические изменения, которые нам предстоят. В ближайшую неделю завершится проект, которого не было на протяжении столетий. Да-да, не было в мире. Никто не выпускал одновременно 19 учебников (и именно учебников) по разным направлениям. А мы эти учебники выпускаем. Причем это учебники, соединенные одним методом, одной школой, одним подходом и так далее. Вскоре эти учебники будут вручены. И чуть ли не тысяча людей начнет одновременно по ним обучаться.

Это ли не практика — идеологическая, политическая и так далее?

И опять-таки это еще не все.

За четыре месяца поселенцы, переехавшие в Александровское, не только обустроились сами. Они еще и создали место проживания и обучения для тех, кто будет приезжать на сессии, обучаясь и развивая свои способности на той основе, которая задается изданными нами учебниками. Никто давно уже так быстро практические задачи (создание учебников, создание пространства обучения и так далее) не решал. А мы решаем. Потому что понимаем, что надо торопиться. К этому нас подталкивает и самозадание, изложенное в «Сути времени», согласно которому год глубокого кризиса — 2017-й. И ход событий, согласно которому глубокий кризис может наступить и раньше 2017 года.

Всмотримся в то, что происходит на Украине.

Здесь я буду говорить об этом предельно коротко. Интересующихся деталями приглашаю на сайт «Суть времени».

Квинтэссенцией происходящего на Украине является давняя американская формула, выведенная Бжезинским и подтвержденная его антиподом Киссинджером. Согласно этой формуле, любое сближение России и Украины — это опасность номер один. Ибо такое сближение чревато восстановлением великой исторической России, которая для наших врагов — «империя зла».

Как только возникает эта опасность, наш враг на всю катушку задействует созданные

им механизмы ее преодоления. Речь идет о людях, превращенных в механизмы. Людях обученных, воспитанных, вскормленных, организованных и напитанных лютой ненавистью к «москалям».

Мы лицезрим работу этих механизмов. Мы понимаем, что «хозяину» очень нервничает по достаточно ничтожному поводу. Что так нервничает только тогда, когда дела становятся плохи. Но значит ли это, что «хозяину» приходит конец? Черта с два!

Просто вместо «хозяина» самодейно-успокоенного миру предстоит иметь дело с «хозяином» нервно-озлобленным. И потому даже более опасным.

Но что мы можем противопоставить работе этих механизмов? Работу механизмов, созданных нами? Стоп. Хотим ли мы и можем ли уподобиться злобствующему «хозяину»? Да не сможем никогда мы ему уподобиться до конца. А если даже сможем уподобиться, то потеряем душу, смысл и всё остальное. А значит, и субъектность. Ибо, в отличие от «хозяина», наша субъектность определяется именно душою, смыслом, теми тонкими вещами, которые «хозяин» не понимает, презирает. И к которым он, в любом случае, не имеет доступа.

А мы-то... Мы-то этот доступ имели. И потеряли. Во-первых, надо понять, почему потеряли. А во-вторых, этот доступ восстановить. И восстановив его, противопоставить «хозяину» не ухудшенную копию созданного им и имеющего обратный политический знак, а нечто альтернативное.

Увы, путь к альтернативному закрыт всем содержанием нашего постсоветского бытия. А потому мы противопоставляем «хозяину» на национальном, национально-государственном уровне не нечто, а ничто. Да, «Суть времени» проанализировала процессы на Украине. Да, я как лидер движения выступил с обращением, которое получило какой-то резонанс. То есть, как граждане мы действуем, и наши действия не есть ничто. Они есть нечто. Маленькая гиричка, положенная на **весы гражданственности**.

Да, представьте себе, есть такие весы. И они существенны. Но определяющее значение имеют совсем другие весы — **весы национально-государственной политики**. Так вот, никаких гирь на нашей русской чаше этих — и именно этих — весов нет вообще. А «Суть времени» как общественно-политическая организация и не может, и не должна лезть к этим весам со своими — на этот момент именно гражданскими — гиричками.

И надо признать, что до тех пор, пока не произойдет некое чудо и не вернется доступ к тому альтернативному, что мы когда-то имели и потеряли, — не сможет «Суть времени» (да и никто другой) положить весомые и очень

нужны гири на судьбоносные для нас и для мира веса национально-государственной политики. А без этого не удастся защитить Отечество. Которое, боюсь, начнет нуждаться именно в нашей защите еще до 2017 года.

Чудо же, которое необходимо и нам, и Отечеству, нельзя совершить, занимаясь только практическими делами. Во имя того, чтобы чудо все-таки совершилось, я продолжайю говорить о четвертом этаже. Понимаете? Во имя этого чуда. И необходимых нам всем практических результатов, порожденных сотворением этого чуда. Чуда самопонимания и самопреобразования.

Практическая деятельность необходима до разреза. Объем нашей практической деятельности стремительно нарастает. Но эта деятельность, будучи необходимой, очевидным образом является недостаточной. Нельзя игнорировать острые процессы, происходящие в реальной политике. Нельзя не реагировать на эти процессы. Но нельзя и кинуться из одной крайности в другую и принести в жертву так называемой практике, так называемой реальной политике саму возможность чуда самопонимания и самопреобразования, чуда доступа к тому, что нами потеряно в ходе постсоветской катастрофы, чуда обретения способности к реальному восхождению. А потому разговор о четвертом этаже будет продолжен и доведен до конца.

Недавно на одном празднике я встретился с музыкантами, которые очень симпатизируют «Сути времени» и искренне хотят ей чем-то помочь. Музыканты написали зажигательную песню, которую они хотели предложить «Сути времени» в качестве гимна. В припеве этой песни говорилось о времени («Время выбрало нас, время выбрало нас»).

И вот тут я вспомнил... не об Украине (хотя именно во время этого праздника мне сообщили, что там началась большая буза, и мой мобильник начал надрываться так, как он надывается именно во время большой бузы) ... Нет, не об Украине я вспомнил, а о поразительной фразе шекспировского Гамлета:

*Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!*

Вспомнив, я вдруг сформулировал ключевой для всех нас вопрос: может ли время больное, поломанное и так далее выбрать кого-то, надеть кого-то силой и так далее? Ясно, что не может. И что из этого вытекает? Об этом — в следующей статье.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

По мне, так нет ничего опаснее доброжелательного презрения к человечеству. Разве недоброжелателен к человечеству Инквизитор? Он-то как раз и доброжелателен. Более того, он обвиняет Христа в недоброжелательности. В том, что Христос принес людям то, что им не по силам

Судьба гуманизма в XXI столетии

Пока оставим в стороне вопрос о том, почему именно «Девушка и Смерть» Горького была противопоставлена Сталиным не абы чему, а «Фаусту» Гёте. Давайте пока что (и именно пока что) выведем за скобки конкретное содержание того, что было противопоставлено Сталиным гётевскому «Фаусту». И скажем, что Сталин противопоставил «Фаусту» некий «Икс». Что из этого вытекает?

Что Икс сильнее, чем «Фауст» Гёте. А когда мы можем говорить, что «Икс» сильнее чего-либо, например, «Фауста» Гёте? Только тогда, когда и в «Фаусте», и в этом самом «Иксе» обсуждается одна и та же проблема. Если в «Фаусте» обсуждается одна проблема, а в «Иксе» другая, то как мы соразмерим два произведения, в которых обсуждаются разные проблемы? По их художественному качеству? Но Сталин явно говорит не о художественном качестве. Только клеветующий на Сталина либероид может утверждать, что Сталин считал горьковский «Икс» под названием «Девушка и Смерть» произведением художественно более сильным, чем «Фауст» Гёте.

«Фауст» — гигантская многожанровая, многостилевая драматическая поэма. А «Девушка и Смерть» — относительно короткое стихотворение.

Кроме того, Сталин не настолько несведущ в поэзии, чтобы не понять разницу в поэтических дарованиях Гёте и Горького. Горький — великий прозаик (вершина его творчества, роман «Жизнь Клима Самгина», безусловно, принадлежит к шедеврам мировой литературы). И очень, очень крупный (но не великий) драматург, опять же практиковавший в жанре прозы.

Поэтические произведения Горького на порядок слабее его прозы. И не надо быть суперумудренным филологом для того, чтобы это понять.

Что же касается Гёте, то тут мы сталкиваемся с не знающей иных подобных прецедентов поэтически-прозаической гениальностью. Даже Пушкин, являющийся и гениальным поэтом, и гениальным прозаиком, всё же слишком явно преобладающе гениален именно как поэт. А про Гёте этого не скажешь. Его «Страдания молодого Вертера» и его «Фауст» одинаково гениальны. И одинаково значимы для самого Гёте.

Итак, Гёте многовекторно гениален (гениальный поэт, ничуть не менее гениальный прозаик, гениальный философ, почти гениальный естествоиспытатель и так далее). Его непревзойденным шедевром, конечно же, является «Фауст». И никогда Сталин, прекрасно всё это понимавший, не уравнивал бы «Фауста» и «Девушку и Смерть» по масштабу и силе художественности. И уж тем более не сказал бы, что «Девушка и Смерть» художественно сильнее «Фауста». Значит, речь идет о другой силе. Не художественной, а философской, концептуальной, мировоззренческой.

В «Девушке и Смерти», говорит Сталин, любовь побеждает смерть. А в «Фаусте» Гёте этого не происходит. Побеждает ли любовь смерть в обсуждаемом нами стихотворении Горького — это отдельный вопрос. Для нас намного важнее другое. То, что Сталин сопоставляет два взгляда на соотношение любви и смерти. Один представлен в «Фаусте» Гёте. А другой — в том самом «Иксе», которое этому «Фаусту» противопоставляется.

Силомером, позволившим Сталину соотнести силу «Икса» и силу «Фауста» и сделать

вывод о том, что Икс сильнее «Фауста», является отношение к любви. Может ли любовь победить смерть? Сталин уверен, что автор «Фауста» не верит в то, что любовь способна одержать такую победу. И противопоставляет этому гётевскому неверию позицию Горького. Ответ на вопрос о том, почему он решил, что Горький уверен в победе любви над смертью, Сталин унес с собой в могилу. Внимательное прочтение стихотворения Горького «Девушка и Смерть» не позволяет с уверенностью утверждать, что автор этого стихотворения убежден в победе любви над смертью. Возможно, Сталин ориентируется в своей оценке на всё творчество Горького в целом. И в особенности на его концепцию богостроительства.

Впрочем, это только догадка и не более того. А вот то, что Сталина интересует сражение любви и смерти и сама возможность победы одного из этих начал над другим — несомненный факт. Сталин рассматривает действующих лиц мистерии — любовь и смерть. И обсуждает, какое из этих двух действующих лиц одерживает победу над другим у Гёте и у Горького. Далее он говорит о том, что у Гёте любовь не побеждает смерть, а у Горького побеждает. И констатирует, что горьковская победительность любви для него насыщена большей силой, нежели гётевская непобедительность всё той же самой любви.

Повторяю, оставим в стороне вопрос о том, есть ли эта победительность у Горького. Главное в сталинской фразе — не в этом. А в том, что констатируется сражение двух мистериальных начал и героев (любви и смерти). Констатируется, далее, возможность победы одного начала над другим. И, наконец, констатируется, что степень убежденности в возможности победы начала под названием «любовь» над началом под названием «смерть» — определяет силу носителя этой убежденности. В Гёте нет этой убежденности, а у того, кто противопоставлен Гёте, эта убежденность (якобы) есть. А раз она есть, то тот, у кого она есть и кто этой убежденностью насыщает свое творчество, посильнее того, у кого этой убежденности нет, и кто насыщает свое творчество чем-то иным. Например, неверием в возможность победы любви над смертью. Или неуверенностью в возможности этой победы. Или отказом сводить всё метафизические проблемы к борьбе двух начал — любви и смерти.

Но каков источник, из которого создатели культуры черпают убежденность в возможности победы любви над смертью? Конечно же, этим источником является христианство. Художник может не быть христианином или даже быть настроенным антихристиански. Но это не выводит его за скобки христианской культуры. Все мы — верующие и неверующие — обитаем на территории именно христианской культуры, не так ли?

Фактически Сталин говорит о том, что нерелигиозный, а то и антирелигиозный Горький в большей степени пропитан духом христианства, нежели христианин Гёте, у которого триумф христианского начала является той осью, вокруг которой вращается невероятно сложная по композиции и содержанию драматическая поэма «Фауст». Кто спасает Гретхен (она же Маргарита) от, казалось бы, неизбежной гибели (она убийца матери, убийца дочери, невероятная грешница и так далее)? Божье милосердие спасает. Голос свыше говорит, что Гретхен раскаялась, отвергла предложение Фауста и Мефистофеля бежать из тюрьмы и потому спасена.

И тот же голос свыше говорит о том, что Фауст спасен.

Внимательное прочтение «Фауста» убеждает нас в том, что Гёте раз за разом включает в ключевые моменты своего повествования механизм спасения героя через прямое вмешательство голосов свыше. Причем голосов именно христианских — подчеркнуто христианских, развернуто христианских и так далее. Так, в момент, когда Фауст хочет покончить с собой, неземное пение христианского гимна отвращает его от этого греховного намерения.

И что же? Сталин не верит в религиозный и культурный христоцентризм Гёте? Притом что вера в то, что любовь побеждает смерть, как раз и является этим самым христоцентризмом. Да, не верит. Он ли один?

И вновь я возвращаюсь к Томасу Манну. В своей статье «Гёте как представитель бюргерской эпохи» Манн вспоминает о чувстве, охватившем его при посещении дома родителей Гёте на Хиришграбене во Франкфурте-на-Майне. Манн спрашивает себя, что произошло с тем бюргерским началом, которым пропитан этот дом и которое родители передали Гёте. Манн отстаивает свое право немца обсуждать величие Гёте именно под этим, бюргерским, углом зрения. Манн пишет: «В этом году [имеется в виду год 1932-й] мир чествует великого горожанина [Гёте умер 22 марта 1832 года]». И далее утверждает, что «исхода из собственной сущности, которая была и его сущностью» существовать Гёте «можем ... только мы, немцы. Почтенно бюргерское как родина общечеловеческого, мировое величие как детище бюргерского — такой путь становления и дерзновенного роста возможен только у нас, и всё немецкое, из бюргерского выросшее в духовное, радостно пребывает у себя дома в родительском доме Гёте во Франкфурте».

Итак, Томас Манн, восхищенный Гёте, называющий Гёте чудо-личностью, божественным человеком, говорящий об эпохе Гёте, о мифологических силах, заложенных в Гёте, силах, свойственных лишь величайшим из людей, которые когда-либо жили на земле, — одновременно прочнейшим образом связывает Гёте с бюргерской эпохой. А что такое бюргер? Это буржуа. Манн прямо говорит о том, как может буржуазное пробиться к духовному. И что обсуждение Гёте через призму бюргерства (то есть буржуазного духа) возможно лишь постольку, поскольку речь идет о том, как бюргерское прокладывает себе дорогу к духовному. И тем не менее Манн категорически настаивает на глубочайшей укорененности Гёте в бюргерской (то есть буржуазной) почве. Да, это величайшее из всех деревьев, которые произросли на этой почве, как бы говорит Манн. Да, это дерево кроной своей упирается в небо духовности. Причем оно так упирается кроной в небо, как ни одно другое дерево. Но корни-то у этого дерева бюргерские. Причем налицо мощнейшие бюргерские корни. Они и должны быть мощнейшими — ибо, только обладая такими корнями, может вырасти столь мощное дерево.

Томас Манн предлагает читателю несколько подходов к оценке творчества Гёте.

Один — подход-минимум. В рамках этого подхода Гёте оценивается как «властитель дум целой эпохи немецкого просвещения, эпохи классической, которой немцы обязаны почетным званием народа поэтов и мыслителей, эпохи идеалистического индивидуализма, в которую, собственно говоря,

родилось немецкое понятие культуры и гуманистическое очарование которой, в особенности у Гёте, состоит в своеобразном психологическом сочетании автобиографического самовыражения и самоусовершенствования с педагогической идеей, причем последняя образует мост, переход от мира личного, внутреннего к миру социальному». Видеть в Гёте представителя этой классически гуманной эпохи Просвещения — вот в чем для Манна подход-минимум к оценке личности и творчества Гёте.

Далее Манн начинает разбирать второй подход, подход-максимум. Говоря о первом подходе как о самой малой мере, с которой можно подойти к оценке личности и творчества Гёте, Манн далее пишет, что возможна другая мера, мера-максимум. И что она направляется сама собой.

«С этой мерой, — пишет Манн, — подошел к великому немцу после его смерти один из его первых зарубежных почитателей, Томас Карлейль, заметивший, что мир знает людей, чьи импульсы достигли своего полного развития не раньше, чем через пятнадцать столетий. И которые даже через две тысячи лет продолжают оказывать влияние на людей...»

Разбирая этот подход-максимум, в рамках которого следует говорить о тысячелетиях Гёте, о чуде личности Гёте, о божественном Гёте, о Гёте как источнике мифологической силы, свойственной лишь величайшим из людей, о непредсказуемом Гёте и так далее, — Манн далее предлагает третий подход. Который ему явно ближе, чем два других. И который он называет промежуточным. А еще он называет его третьей оптической возможностью. И констатирует нечто, имеющее принципиальное значение для предлагаемой мною читателю аналитики и футурологии гуманизма.

Манн, разбирая третью оптическую возможность, заявляет: «...Для нас, являющихся свидетелями отмирания целой эпохи, эпохи бюргерства, для нас, кому суждено в муках и испытаниях перелома найти путь к новым мирам, новому духовному и общечеловеческому жизнеустройству, эта третья оптическая возможность рассматривать его (Гёте) как представителя того полутысячелетия, которое мы называем бюргерской эпохой и которая начинается пятнадцатым веком и кончается девятнадцатым, является наиболее близкой и естественной».

Я прошу читателя наивнимательнейшим образом вчитаться в приведенную мною выше цитату.

Прежде всего, Томас Манн говорит о некоей эпохе, начавшейся в XV и завершившейся в XIX веке. Стати, говоря о том, что он сам является обитателем этой эпохи, Томас Манн продлевает эпоху в XX век. Еще раз подчеркну, что статья написана в 1932 году, то есть за год до прихода к власти Гитлера. И что Томас Манн, с особой остротой и проницательностью наблюдавший за движением Гитлера к власти, Томас Манн, уже готовивший свою эмиграцию, не мог не соотносить написанное им о Гёте с этим самым очевидным для него приходом Гитлера к власти.

Итак, в такой переломный момент Манн говорит о Гёте как о представителе полутысячелетия, начавшего в XV веке, сущностно продленном вплоть до конца XIX века (ну, как тут не вспомнить Блока — «век девятнадцатый, железный») и формально длящегося за пределами XIX века.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Манн называет эту эпоху бюргерской. Мы — и отнюдь не мы одни — называем эту эпоху эпохой Модерна. То есть эпохой созревания буржуазных отношений, их триумфального оформления в ходе великих буржуазных революций, их развертывания в XIX столетии и их исчерпания к началу XX века.

Эпоха Модерна, она же эпоха капитализма (с включением в эту эпоху протокапитализма) — вот что такое манновское полутьсячелетие, ярчайшим представителем которого является Гёте. Еще раз напомним читателю, что речь идет о представительстве, которое ухода корнями в эту эпоху, кроной достигает до небес духовности.

Манн утверждает, что эта эпоха исчерпана. Понимаете, Томас Манн это утверждает — а не Карл Маркс и Фридрих Энгельс, не Ленин и не Сталин. Еще раз прочитайте в эти строки:

«Для нас, являющихся свидетелями отмирания целой эпохи, эпохи бюргерства...»

Что это, как не отмирающий капитализм?

«...Для нас, кому суждено в муках и испытаниях перелома найти путь к новым мирам, новому духовному и общественному жизнеустройству...»

Ну что это, как не путь от отмирающего капитализма к социализму и коммунизму?

Итак, отмирает эпоха капитализма, она же эпоха Модерна... И отмирает потому, что исчерпали себя сами основания проекта Модерна, который пронизывал собою целое полутьсячелетие.

И в условиях такого отмирания, утверждает Манн, надо обсуждать феномен Гёте сообразно этому отмиранию, рассматривая Гёте как гиперконцентрат великого полутьсячелетия. И видя в этом гиперконцентрате всё сразу — весь блеск и всю нищету этого полутьсячелетия.

Именно такую позицию Манн называет «наиболее близкой и естественной» для людей, лицезрящих триумфальное шествие к власти Гитлера, которому аплодирует обезумевшее бюргерство, стремящееся продлить свое господство за пределы отведенного ему полутьсячелетия. Бюргерство исторически бесплодное, но готовое компенсировать это бесплодие далеководущим антиисторизмом и антигуманизмом.

Но неужели же гуманизм Гёте может быть гиперконцентратом такого бюргерства? Конечно же, нет. Древо Гёте произрастает из полноценного бюргерства, бюргерства, еще не ставшего антиисторическим и антигуманистическим. Но что-то в этом бюргерстве уже предопределяет его будущий воинствующий антиисторизм и антигуманизм. И это что-то не может не быть духом бюргерства. Вот тут-то, утверждает Томас Манн, проблема всматривания в Гёте превращается из философско-филологической в философско-политическую.

Говоря об антиреволюционности Гёте, о том, что революция вызывала у этого гуманиста, как и у Эразма Роттердамского, устойчивое отвращение, именуя это отвращение бюргерским, Манн отвергает любое прямое отождествление Гёте и бюргерского начала. Манн пишет о Гёте и его связи с бюргерством:

«Ведь разве что в шутку, смеха ради стали бы мы искать в человеке таких масштабов черты, которые можно назвать бюргерскими в буквальном, обывательском смысле этого слова. Но при этом возможен переход от малого и внешнего к высокому и духовному...»

Рассмотрев «малое и внешнее» (внешний жизненный уклад Гёте, опрятность его одежды), Манн далее переходит к тому высокому и духовному, что, по его мнению, соединяет Гёте с бюргерством. Это высокое и духовное Манн именуется приятностью. Сделать мир приятным (так и хочется сказать «комфортным») — вот в чем, по Манну, бюргерский духовный пафос творчества Гёте. Но как же сделать приятным мир?

Манн пишет:
«...Чисто бюргерская черта Гёте — но уже в высшем, духовном смысле — заключается в том, что в «Поэзии и правде» он сводит всю приятность жизни к закономерному кругообороту внешних явлений, смене дня и ночи, времен года, цветения и жатвы и всего того, что из эпохи в эпоху повторяется периодически» (слова «закономерный кругооборот» выделены самим Томасом Манном — С.К.).

Констатируя, что приятность как высшее позитивное духовное начало для Гёте связана

с такой цикличностью, повторяемостью, Манн далее пишет:

«В утомлении от этого закономерного ритма явлений природы и жизни он [Гёте] усматривает прямо-таки душевное заболевание, угрозу для жизни, главное побуждение к самоубийству».

Читатель, наверное, не забыл, как именно я обсуждал наипростейшее (песню «Я люблю тебя, жизнь» Ваншенкина) с наисложнейшим (вечным возвращением у Ницше). А теперь я предлагаю сопоставить это (в случае необходимости) с тем, что сказано Томасом Манном о Гёте, которого автор «Волшебной горы», «Иосифа и его братьев», «Доктора Фаустуса» и других великих романов XX века возвеличивает буквально до небес. Но, возвеличивая Гёте, Манн не желает врать. И потому прямо говорит, что для Гёте кругооборот, то есть вечное возвращение является квинтэссенцией высшего духовного блага, иначе именуемого приятностью.

Рембрант. Фауст (1650)

Обсуждение того, насколько такая позиция превращает Гёте в поклонника Востока, а не Запада, насколько такая позиция созвучна, например, китайскому принципу циклов, увелило бы нас в сторону. Другое дело — эзотерика Ницше, основанная на вечном возвращении, и эзотерика Гёте, основанная на приятности, проистекающей из всё того же вечного возвращения. Разница между Гёте и Ницше тут состоит в том, что Ницше сначала ужаснулся вечному возвращению, а уже потом как бы принял и чуть ли не восславил его. А Гёте? Разве в «Страданиях молодого Вертера», своем раннем произведении, принесшем ему мировую славу, Гёте не воспел утомленность Вертера этой самой закономерностью ритма явлений природы? Утомленность этой самой приятностью? Разве не являлся в этом смысле Вертер олицетворением протеста против духа приятности и повторения? Разве не этот протест, выраженный Гёте, принес создателю «Страданий молодого Вертера» мировую славу? Разве не закончился этот протест угрозой для жизни Вертера? Разве не стал он для Вертера сокровенным источником побуждения к самоубийству?

Итак, Гёте всё прекрасно понимал. Он понимал, что Вертеры всего мира никогда

не примут великого возвращения. И будут протестовать против него по-разному. В том числе и совершая самоубийство, но и не только. Утомляясь от великого возвращения, эти Вертеры будут совершать ненавидимые Гёте революции. Потому что утомление от великого возвращения — это и есть дух истории. Назвать этот дух источником душевного заболевания, проклясть этот дух как врага жизни... Разве это не значит встать на путь антиисторизма, который не может не обернуться еще и антигуманизмом? Да-да, не может не обернуться. Даже если ты Гёте и насквозь проникнут гуманностью — всё равно эта старая бюргерская, исчерпавшая себя гуманность рано или поздно вывернется наизнанку. И тогда окажется, что антиисторизм — то есть антиреволюционность — не может не породить антигуманизма. Чуть раньше или чуть позже. Сначала Гёте. Потом Ницше. Потом Гитлер.

Это неумолимая траектория, описывающая метаморфозу класса, кладущего приятность в основу духовности, класса, внутренне

выстриженные газоны... Аккуратные гномики на газонах... Такие же аккуратные машины — иногда дорогие, а иногда и не очень. И свирепое занывание в приятность мертвенно отлакированной обыденности самого разного толка.

Кому больше повезло — те занывают в приятность обыденности мертвенно отлакированных вилл. Кому меньше повезло, те занывают в приятность обыденности маленьких домиков. Те, кому больше повезло, и те, кому повезло меньше, не ссорятся друг с другом. Их объединяет поклонение приятности той обыденности, которую удалось заполучить. Речь идет о ритуальном поклонении этой приятности. Приятность обыденности — беспощадный бог постсоветского времени. Бог, требующий, чтобы на алтарь его приносились огромные жертвы. И ради отстаивания приятности обыденности, для вящей славы этой приятности жертвы будут приноситься. Обязательно будут.

Боги беспощадных хтонических культов древности не так жестоки, как бог, прячущийся внутри гномика, стоящего на газоне. Внутри этого гномика прячется самый жестокий из всех богов. Казалось бы, какая связь между жестокостью этого бога, которая для многих неочевидна (чем плох прелестный гномик на аккуратно выстриженном газоне?), и творчеством Гёте?

Извините, если благодать — это приятность...

А приятность — это приятность обыденности, а не абы какая приятность...

Если приятность вообще и приятность обыденности в особенности являются дарами, источаемыми на мир великой цикличностью, основанной на вечном возвращении...

Если вечное возвращение возможно только в случае отвержения революции, которая, в конечном счете, черпает свою романтическую, по сути, энергию из ненависти к вечному возвращению, из ненависти к приятности вообще и приятности обыденности в особенности...

Если эта ненависть является ненавистью духа живого, чующего в приятности обыденности и вечном возвращении мертвый дух...

Если именно об этом сказано и Маяковским («ненавижу всяческую мертвечину»), и Твардовским («я солдат еще живой ... всё же — как решаешь, Теркин? — Да как есть: решаю жить...»), и многими другими нашими писателями и поэтами...

Если не приняла Россия буржуазный дух именно как дух мертвый (он же дух обыденной приятности, он же вечное возвращение) ...

Если именно из этого неприятия произрастает древо русской революции...

Если таковы его христианские корни (вспомним Гумилева — «Чтоб войти не во всем открытый, Протестантский прибранный рай, А туда, где разбойник, мытарь И блудница крикнут: вставай!») ...

Если нельзя отвергнуть революцию, не отвергнув историю, а значит, и Христа, — ибо нет Христа, если нет истории...

Если нельзя отвергнуть историю, не отвергнув гуманизм, который, подчеркну еще раз, нельзя сводить к якобы антихристианскому ренессансу...

Если в основе антигуманизма и антиисторичности лежит сведение всего на свете к экономической сущности вещей, то есть низведение человека к вещи, а вещи к товару (иначе что такое сведение всего на свете к экономической сущности?) ...

Если всё именно так, то в XXI веке человечеству неминуемо придется выбирать между таким, раскрываемым через аналитику и феноменологию Гёте, духом бюргерства — и гуманизмом. Либо новый гуманизм и уход бюргерства с исторической сцены — либо антигуманность и сохранение бюргерства на сцене постисторического господства. Других перспектив в XXI веке просто не существует.

Считаю крайне важным подчеркнуть, что такое отношение... нет, не к Гёте, который всегда меня восхищал, а к почве, из которой вырастает древо творчества и личности Гёте, нельзя сводить к пресловутому «что немцу здорово, то русскому смерть», к конфликту России и Запада, к антагонизму между протестантством («протестантский прибранный рай» Гумилева) и православием... Всё это имеет место. Но сводить к этому обсуждаемый нами вопрос было бы очень глупо, потому что...

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Весна 2013 г. поставила российскую элиту перед очень жестким политическим выбором: либо быть с «командой Путина» против Запада, либо выступить «против Путина» — в расчете опереться на благорасположение Запада

На волнах глобального и российского кризиса: обострение экономической и политической войны

В 2010–2011 гг. в России происходило явное оживление экономики. Росстат и министры бодро рапортовали о высоких темпах роста производства и ВВП, о наращивании инвестиций и т.д. При этом, в основном, за скобками оставался тот факт, что этот рост был всего лишь подъемом со дна глубочайшей кризисной ямы 2009 г. То есть следствием загрузки остановленных в провале кризиса производственных мощностей, повышения цен на экспортные энергоносители и восстановления интереса зарубежных спекулянтов к российским активам, цена которых на биржах в кризис обрушилась, как нигде в мире.

Так, Росстат торжественно отчитался в том, что инвестиции в Россию в 2011 г. составили рекордные за постсоветские годы \$370 млрд. — мол, иностранцы поверили в то, что Россия вышла из кризиса. Однако в реальности доля прямых иностранных инвестиций (то есть долгосрочных вложений в российские активы) упала с 25,2% в 2008 г. до 9,7% в 2011 г.; всё остальное составляли торговые кредиты и приток на нашу биржу спекулятивного «временного» капитала.

При этом более половины прямых иностранных инвестиций приходило в Россию из оффшоров: Кипра, Британских Виргинских островов, Гибралтара и т.д. А у этих оффшоров была важная «статистическая особенность»: российские инвестиции в оффшор примерно равнялись инвестициям из этого оффшора в Россию. То есть под видом иностранных инвестиций (прямых и спекулятивных, портфельных) в Россию приходили в основном деньги наших олигархов, ранее выведенные в оффшоры, и приходили они преимущественно в корпорации и банки этих самых олигархов. А внутренние инвестиции почти не росли. Как не росло и внутреннее кредитование «неолигархического» бизнеса.

Как результат, существенная часть российской экономики, рухнувшая в первой волне кризиса, не могла полноценно восстановиться. Это в особенности коснулось средних и малых предприятий. И это имело очень серьезное социально-экономическое и политическое значение.

Эксперты с горечью констатировали, что кризис катастрофически проредил (иногда использовалось слово «зарезал») ту часть российского среднего класса, которая выросла до кризиса в основном своим трудом и предпринимательской инициативой. А ведь именно эта социальная группа была в глазах широких масс экономически и общественно легитимной. То есть хотя бы отчасти оправдывала для этих масс существование отечественного бизнеса. В то же время, кризис еще раз продемонстрировал дербианное поведение почти всего крупного бизнеса, включая банковских олигархов, дополнительно обострил в глазах тех же широких масс делегитимацию больших российских капиталов.

Конечно же, олигархат это почувствовал. И начал через контролируемые СМИ (и при активной зарубежной пропагандистской поддержке) переводить стрелки на те крупные корпорации, которые прямо и косвенно контролировались государственной властью. В этой информационной кампании причиной столь плачевного прохождения кризиса России объявлялся перевод ранее приватизированных активов в госсобственность в эпоху Путина (чаще всего приводился пример ЮКОСа). Мол, Путин после Ельцина ограничил свободу рынка, и потому в кризисе произошел такой обвал экономики страны.

Это, конечно, была чистой воды пропаганда. И до Путина, и при Путине доля госсобственности в России неуклонно снижалась. Так, по данным Росстата, в 2011 г. доля госсобственности в основных фондах России составляла всего-навсего около 18%, в то время как в США она была 21%, а в Германии, Норвегии, Франции и того больше.

Но упомянутая пропаганда дополнялась еще одним важным тезисом: подчеркивалось, что именно в госсекторе сосредоточились

основные возможности коррупции и дербиана, и что коррупционно-дербианные доходы от госсобственности, оседающие на счетах представителей высшей власти и их друзей, — главная бездонная яма, куда уходят «народные деньги». То есть, происходила адресная социальная делегитимация именно госсектора национальной экономики (и власти, которая контролирует госсектор) — в противовес якобы почти «белому и пушистому» частному сектору.

Отметим, что в зарубежной «пропагандистско-экономической» прессе этот тезис о «плохой» госсобственности, которая контролируется коррумпированной властью, давно и регулярно воспроизводился не только в отношении России, но и в отношении чуть ли не всех кризисных «слабых» экономик. И не случайно.

Те, кто в конце 2010 — начале 2011 гг. инспирировали оранжевые революции «арабской весны», сполна использовали этот тезис для беззащитной кражи национальных экономических ресурсов. Американская и европейская пропаганда объявляла находившиеся за рубежом финансовые и акционерные активы абсолютно законных государственных суверенных фондов и госкорпораций Туниса, Египта, Ливии «наворованными миллиардами кланов Бен-Али, Мубарака, Каддафи», то есть нелегитимными криминальными капиталами. А далее эти деньги и активы были арестованы и пущены в собственный оборот западными (американскими, французскими, британскими) радетелями о демократии. И либо, как в Ливии, отчасти использованы для финансирования «международной операции по спасению ливийского народа от диктатора», либо помещены в «фонд помощи» подвергнутой «революции» стране — якобы для ее будущего развития под контролем западных благодетелей.

Подчеркнем, что эта наглая финансовая военно-грабительская спецоперация затронула не только госактивы стран, против которых она велась. Членами «криминальных коррупционных диктаторских кланов» объявлялись и те владельцы крупных частных финансовых и производственных активов, которые в той или иной мере поддерживали власть. То есть в ходе «арабской весны» заодно происходила еще и показательная экономическая порка провластной элиты неугодных стран.

Конечно, этот сюжет заставил серьезно задуматься огромную часть российской экономической элиты, включая провластные группы. Основные финансовые активы этой элиты и значительная часть ее собственности находилась на Западе, как и у элиты Туниса, Ливии или Египта. Производственные активы этой элиты в виде акций российских корпораций и предприятий были в существенной части

заложены за кредиты либо на Западе, либо в российских (в том числе, государственных) банках. Инвестиции этой элиты в российскую экономику (и прямые — в производственные проекты, и портфельные — в акции и облигации) шли через западные оффшоры. А потому эта наша элита не могла не примерять грабительские прецеденты «арабской весны» на себя. И делала выводы.

Главный вывод, который сделала значительная часть этой российской элиты, состоял в том, что надо по возможности дистанцироваться от власти, то есть от Путина и близких к нему клановых групп. А значит, избегать участия в инициированных властью инвестиционных проектах, сокращать владельческие пакеты акций в государственных и приближенных к власти производственных активах и т.д. И вообще, вести себя так, чтобы не допустить своего включения в провластную «группу риска», которую могут ограбить на Западе. То есть, при возможности брать под козырек в отношении любых западных инициатив касательно России.

А поскольку Путин стал в России для Запада главным противником и раздражителем, эта часть элиты начала концентрироваться вокруг альтернативной властной команды «хорошего» для Запада Медведева. То есть, отчетливо обозначила тот фундаментальный российский элитный раскол, который стал одной из главных причин масштабной и многоаспектной элитной поддержки попытки российской оранжевой революции, которую мы наблюдали в ходе парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг.

Очевидность российского элитного раскола и непредопределенность его результата не могли не повысить предпринимательские риски в стране. Как следствие, инвестиции в основную капитал — главный мотор развития экономики — начали угасать. Разговоры о программах модернизации оставались лишь разговорами, а темпы промышленного роста и роста ВВП в России неуклонно снижались. Если в 2011 г. рост ВВП, по данным Росстата, составил 4,3%, то в 2012 г. он снизился до 3,3% и продолжал падать. С ростом промышленного производства дело обстояло еще хуже: с 4,7% в 2011 г. он снизился до 2,6% в 2012 г. и опять-таки продолжил падение.

Соответственно, падали и доходы, и расходы бюджета, и прежде всего — социальные расходы. И, значит, реальные доходы и уровень жизни подавляющего большинства населения. Причем происходило это на фоне циничных заявлений «экспертных представителей креативного класса» о том, что причина обрушения роста российской экономики — слишком большой бюджет. В связи с этой ложью стоит отметить, что средние расходы консолидированного бюджета в группе развитых стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) в 2011 г. составили 45,4% ВВП, а в России — всего-навсего 33,8% ВВП.

Неудача российской оранжевой революции и попытки политического сноса клана Путина активизировали информационно-пропагандистскую войну США против «путинского режима». Наиболее мощным ударом этой войны стало принятие в США 12 декабря 2012 г. так называемого «акта Магнитского». Этот закон вводил адресные американские санкции против российских граждан, которые — внимание! — всего лишь **подозревались** в причастности к смерти в российской тюрьме юриста Сергея Магнитского, работавшего на главу компании Hermitage Capital Уильяма Браудера.

Российские воровские махинации Браудера и Магнитского мы ранее подробно разбирали в нашей газете. Здесь же нам важно подчеркнуть, что для попадания в список адресатов санкций, вопреки юридическому постулату презумпции невиновности, было достаточно всего лишь подозрения, а сам список был секретным и открытым для расширения по воле США. То есть в нем мог в любой момент (причем не зная об этом) оказаться любой представитель российской элиты.

Россия не могла не ответить на такой вопиющий и юридически недопустимый американский демарш. Ответ был незамедлительным: 1 января 2013 г. вступил в силу так называемый «закон Димы Яковлева», запрещающий усыновление российских детей-сирот в США и другие страны, в которых не гарантируется их безопасность. Причем в дискуссии по этому закону, проходившей в российских СМИ и Госдуме, были подробно описаны многочисленные случаи вопиющих преступлений против российских детей, усыновленных гражданами США.

Принятие «Акта Магнитского» и «Закона Димы Яковлева» резко обострило как отношения между Россией и США (а также поддержавшей США Европой), так и внутри-российский элитный раскол.

Затем и первый (российско-американско-западный), и второй (элитный внутри-российский) векторы этих противостояний дополнительно осложнились двумя крупными политико-экономическими конфликтами. А именно борьбой вокруг попыток США, Франции, Великобритании, Саудовской Аравии, Катара, Турции реализовать ливийский сценарий внешнего военного вмешательства в Сирии, а также кипрским прецедентом отказа лидеров глобального капитализма от основополагающего принципа рыночной экономики — «священности и неприкосновенности частной собственности».

И о борьбе вокруг Сирии, и о кипрском прецеденте мы уже подробно писали в нашей газете. Здесь мы лишь подчеркнем основное военно-экономическое измерение этих процессов.

Сирийский кризис, в ходе которого в восточной части Средиземного моря сосредоточивались крупные военно-морские силы США и других стран НАТО, России, а затем и Китая, — на следующем шаге мог стать прологом к крупной войне на Ближнем Востоке, с вовлечением в нее минимум десятка стран региона. А затем — и запалом для глобальной войны. Уже это существование повысило (и без того неприемлемо большие) инвестиционные риски мировой экономики и стало крупным фактором развития второй волны глобального экономического кризиса, а также нарастающей кризисных процессов в сильно зависящей от мировых рынков России.

В ходе кипрского кризиса глобальная финансовая власть — впервые в истории — за долги кризисных банков изъела в этих банках огромную часть денег вкладчиков этих банков. Это предельно ясно обозначило фундаментальную новизну глобальной экономической ситуации: то, что хозяева мировых «экономических правил» уже готовы менять многовековые базовые основы капитализма.

Российскому олигархату Кипр заодно показал, что многолетняя практика зарубежного размещения капиталов в оффшорах политически и экономически небезопасна. Поскольку чревата (на фоне развертываемой глобальной войны с оффшоризацией) как раскрытием владельцев, источников и потоков капиталов, так и экспроприацией этих капиталов. То есть нашим олигархам от бизнеса и власти очень жестко предъявили два факта: прозрачность их размещенных за рубежом состояний для хозяев мировой финансовой системы, а также глубокую зависимость судьбы этих состояний от благорасположения финансовых «хозяев мира».

Весна 2013 г., таким образом, поставила российскую элиту перед очень жестким политическим выбором: либо быть с «командой Путина» против Запада (и, соответственно с принятием на себя и свою зарубежную собственность всех рисков такого противостояния), либо выступить «против Путина» — в расчете опереться на благорасположение Запада. И это, в свою очередь, не могло не привести в ступор ситуацию в российской экономике.

Юрий Бялый

«Болотный» митинг осенью 2011 г.

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

27 марта 1946 года под грифом «Совершенно секретно» выходит постановление Совмина СССР, в котором назначаются премии «за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии»

Наука и обороноспособность в России. Предварительные итоги

Суммируя всё, что было сказано нами в этой серии статей о непростых отношениях власти и науки в России, следует снова обратить внимание на тот базовый, основополагающий принцип, на котором строилось соглашение этих двух субъектов. Принцип этот заключался в договоренности, что Россия — превыше всего, что обеспечение безопасности и суверенитета России есть непререкаемая константа.

Ведь у каждой из сторон этого соглашения были свои задачи.

Задача науки заключается в изучении и познании космоса и человека — и необъятность этой задачи делает ученого «общечеловеком», членом мировой семьи ученых. Такому «гражданину мира» мало интересны проблемы защиты какого-то национального государства. Но лучшие русские ученые считали иначе. Они были убеждены, что без России — реальной России как государства и мистической России как души мира — не может быть познан ни космос, ни человек.

Глобальной задачей государственной власти в идеале является обеспечение безопасности страны и ее народа. Но власть — это тоже люди, а люди очень часто подменяют безопасность страны безопасностью себя. Заботами о собственном выживании и процветании забывая о том, что лишь безопасность страны дает шанс на спасение и отдельному человеку, и народу в целом.

Таким образом, соглашение между научной элитой России и государственной властью могло строиться лишь на базисе патриотизма. Ученые были готовы поддерживать власть до тех пор, пока они видели, что та печется о стране. А власть, в свою очередь, напоминала ученым, излишне уходившим в абстрактные выси, о болях и проблемах России.

Когда в предреволюционные годы царская власть перестала справляться со своими главными задачами спасения России, наука отказала ей в доверии. И стала внимательно присматриваться к новой большевистской власти — готова ли она поставить главным приоритетом Россию? Ведь лозунг о «мировой революции» вполне можно было трактовать и так — за счет России.

После революции большевики должны были доказать — и не только ученым, но и всему народу, что они действуют на благо страны. И пока они этого не доказали, они были вынуждены терпеть от ученых любую оппозиционную «фигу в кармане».

Это был первый этап — момент заключения союза Советской власти и науки. Проверку на прочность он прошел в период индустриализации. Ученые (еще не в полном смысле слова «советские») сделали то, что от них требовалось — вывели страну на передовые научно-технические и промышленные рубежи. Но и сталинская власть, приняв в жесткой идеологической борьбе с троцкизмом концепцию строительства социализма в отдельно взятой стране, доказала, что для нее великая Россия обладает собственной ценностью, а не является расходным материалом для совершения мировой коммунистической революции.

Это означало, что власть теперь имеет больше права требовать от ученых солидарности в идеологической области, причем солидарности непоказной и нешутливой. Тем более что появилось целое поколение молодых ученых с действительно советской идеологией («советских ученых» в полном смысле слова) — и теперь уже оппозиционность в идеологии выглядела почти как предательство. Она всё еще прощалась особо маститым, всемирно известным ученым типа П. А. Капицы, но тоже до определенной степени.

С началом Великой Отечественной войны наступил второй этап в развитии отношений между учеными и властью. Власть пошла на обоснованное — как-никак война, и какая! — идеологическое ужесточение и потребовала от ученых соблюдения таких же правил поведения, какие принял и поддержал весь советский народ. Ведь Великая Отечественная

война была не обычной войной, когда одна страна пытается захватить территорию и ресурсы другой страны. Это была, прежде всего, схватка двух идеологий — коммунизма и фашизма. Недаром попавшим в немецкий плен коммунистам и комиссарам не было никакой пощады. А идеологическая борьба на фронте требовала укрепления и идеологических тылов: отсюда и ряд политических процессов, в том числе, и против ученых, перед войной и в самом ее начале.

Надо сказать, что и эту вторую проверку на прочность, проверку войной, союз власти и науки успешно выдержал. Ученые проявили подлинный патриотизм, верность Родине, огромную научную и гражданскую ответственность. Власть, в свою очередь, создавала для их творческой деятельности все возможные условия, оберегала их как высшую государственную ценность.

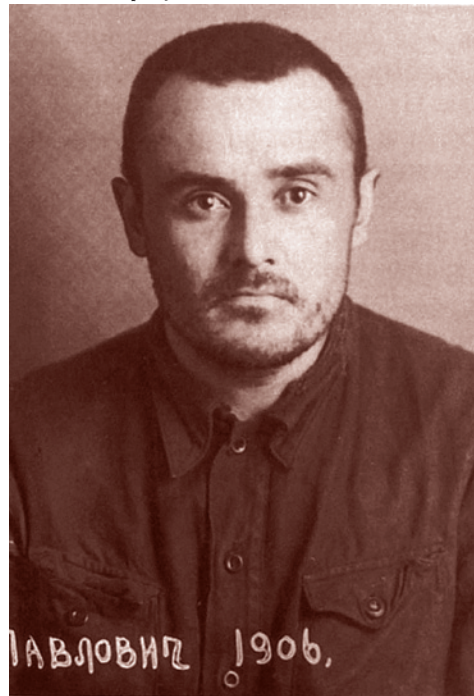
Конечно, не всё было так гладко: не обошлось без перегибов, о которых очень любят надрывно говорить представители сегодняшней либеральной интеллигенции. Речь идет об инспирировании политических дел против ряда ученых и конструкторов, которых затем сажали в спецтюрьмы НКВД, так называемые «научные шарашки», где они в качестве заключенных работали над насущными военными научно-техническими проблемами. Да, санаториями эти «шарашки», конечно, не были, но и настоящими тюрьмами с жестоким режимом — тоже.

Мы не воспевает сталинскую систему, а всего лишь пытаемся понять, превратились ли отношения власти и науки из добровольно заключенного, хоть и неписанного, союза, в нечто иное — в жесткое прямое управление со стороны власти? И если это было так, то было ли бы возможно подлинно творческое научное созидание? Могло ли оно существовать, если бы стимулом к нему были только карательные санкции со стороны власти?

В воспоминаниях, оставленных участниками тех событий, учеными или партийными организаторами производства, конечно, проскальзывают нотки горечи по отношению к судьбе несправедливо осужденных, брошенных в спецтюрьмы, отправленных на поселение. Но эти нотки никак не являются главенствующими.

Судьба С. П. Королева, которую очень часто приводят как пример «страданий гения при тоталитаризме», возможно, является в этом отношении самой показательной. Дело в том, что Королев оказался в числе немногих крупных конструкторов, которых не сразу посадили в «шарашку», в среду ученых и инженеров, а на общих основаниях отправили в магаданский лагерь. Нетрудно догадаться, почему так произошло.

С. П. Королев в Бутырской тюрьме после возвращения с Колымы, 28 июля 1938 г.

Ракетное НИИ, где работал Королев, опекал М. Тухачевский. После его ареста было возбуждено дело о троцкистском заговоре в РНИИ — в июне 1938 года под следствие попали многие ученые, а руководители института были расстреляны. В отношении Королева следствие длилось целый год, а в августе 1939 года он по этапу попадает на золотоносный прииск. Но через полгода, в феврале 1940-го, власти спохватились — Королева возвращают в Москву, сокращают ему срок и переводят в спецтюрьму НКВД, где работает его учитель А. Н. Туполев с большой группой ученых и конструкторов.

Конечно, арест, суд, приговор, потеря честного имени — трудное испытание для любого человека. Тем не менее, Сергей Павлович не проклял власть и страну. Вместе с Туполевым он активно работает над бомбардировщиком Ту-2, одновременно по собственной инициативе разрабатывает проекты управляемой авиаторпеды и ракетного перехватчика. По воспоминаниям знавших его близко сотрудников, Королев «никогда не был озлоблен... Он никогда не жаловался, никого не проклинал, не ругал. У него на это не было времени. Он понимал, что озлобленность вызывает не творческий порыв, а угнетение».

Сильные духом люди понимали, что на карте стоит судьба страны. И личные ставили гораздо ниже общественного. Сегодня, в нашу индивидуалистическую эпоху, это многим кажется странным и непонятным.

Непонятливым, по-видимому, нужно напомнить, насколько суровым было время. Трудно было всем — и тем, кто сидел, и тем, кто был на воле. На всех производствах, работающих для фронта, было введено военное положение. Конструкторам, инженерам и рабочим сутками, а то и неделями запрещалось покидать заводы, ошибка в чертежах рассматривалась как военное преступление. Бригадиром были шестнадцатилетние мальчишки, а рабочими у станков — бывшие домохозяйки и вчерашние школьники.

К трудностям, порожденным войной, добавлялась необходимость соблюдения секретности. Известно, например, что за секретами ракетной установки М-13 («катюши») охотились десятки шпионов в тылу, а на фронте захват хотя бы одной установки был поставлен как первоочередная задача директивной немецкого Главного командования.

Главный конструктор «катюш», академик В. П. Бармин, не сидел в «шарашке», но он и его сотрудники, днем и ночью работая над совершенствованием ракетных установок на заводе «Компрессор», сами обрекли себя на условия, возможно, еще более суровые, чем в спецтюрьме. И так работали очень многие ученые и конструкторы.

Здесь можно было бы задаться вопросом — действительно ли свободное во всех смыслах творчество плодотворнее творчества, которому ставятся определенные ограничения? Но эта проблема, скорее, философская, и вряд ли можно здесь дать однозначный ответ. Но на практическом уровне существует множество примеров того, что именно ограничения, трудные жизненные обстоятельства являются мощным катализатором творческого процесса. Да и опыт войны показывает, что эффективность научно-технической и конструкторской работы, несмотря на тяжелейшие условия, возросла в разы.

Однако вернемся к нашим описаниям этапов выстраивания союза науки и власти. Окончание войны постепенно снимало ужесточение второго этапа — ученых не только освобождали из «шарашек» и возвращали в институты, но и предоставляли им мощные стимулы для творчества. Еще до конца войны из-за границы в библиотеки АН СССР стали поступать научные книги и специальные журналы. Ученым предоставлялись возможности поездок за рубеж — правда, поначалу только в связи с оборонными задачами.

Тот же самый С. П. Королев, освобожденный в июле 1944 года по личному указанию Сталина, весной 1945 года командирован

в Германию для ознакомления с немецкими разработками ракет «Фау». Там в это время уже работает целый институт: в составе которого ведущие советские инженеры и конструкторы.

И, чтобы уж окончательно прояснить судьбу Королева, напомним, что после поездки в Германию, в августе 1946 года, как крупнейший специалист в области ракетного движения, он назначается Главным конструктором Особого конструкторского бюро (ОКБ-1) по разработке баллистических ракет дальнего действия.

Однако плавного перехода из второго, военного, этапа, в третий, мирный, не получилось. СССР надеялся, залечив раны войны и восстановив разрушенное хозяйство, заняться, наконец, мирным строительством. Но всё изменилось в августе 1945 года, после испытаний американской атомной бомбы. И, как окончательно стало понятно после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, американцы решили шантажировать весь мир и, в первую очередь, Советский Союз, новым сверхмощным оружием.

Советским ученым, конструкторам, организаторам производства, всему народу пришлось направить чрезвычайные усилия на создание атомного оружия.

И, тем не менее, власть не отменила послевоенное послабление для научно-технической интеллигенции. Она не отменила его, несмотря на новое предельное напряжение сил, на гонку сроков, масштабы и сложность строительства и даже несмотря на то, что возглавлял атомный проект всемогущий и ничего не прощающий глава НКВД Л. Берия. Власть понимала: предстоит гигантская работа, новый научно-технический рывок, и делать его должны были заинтересованные и вдохновенные люди, а не забытые «рабы тоталитарной системы».

В доказательство того, что власть повела себя именно так, приведем один достаточно яркий пример.

27 марта 1946 года под грифом «Совершенно секретно» выходит постановление Совмина СССР, в котором назначаются премии «за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии». Восемь первых премий за решение приоритетных проблем включали в себя: 1 млн. рублей, звание Героя Социалистического труда и Лауреата Сталинской премии 1-й степени, дачу-особняк с обстановкой за счет государства в любом районе СССР, а также легковую машину, право на заграничные научные командировки, финансируемые государством, через каждые три года сроком от 3 до 6 месяцев, двойной оклад на время работы в данной области. Из мелких льгот давалось право бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом для себя и своей семьи, право обучения детей в любых учебных заведениях страны за счет государства.

За решение проблем последующего уровня сложности устанавливались вторая, третья, четвертая и пятая премии с несколько меньшим, но тоже очень существенным вознаграждением.

В 1949 году, после успешного испытания атомной бомбы, эти премии получила большая группа ученых и конструкторов, среди которых были И. В. Курчатов, Н. А. Долгушин, В. Г. Хлопин, А. А. Бочвар, Ю. Б. Харитон и другие.

Такие привилегии ученым не означали, что у государства, наконец, появилась возможность воздать ученым по заслугам. Нет, это была не плата за прошлое, а аванс на будущее — знак заинтересованности в их уме и таланте, знак понимания необходимости введения нового формата отношений между властью и наукой, знак острейшей необходимости в кратчайшие сроки совершить новый рывок во имя выживания народа и государства.

Как был сделан этот рывок — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

НАША ВОЙНА

Маслоу считал, что создал новое эпохальное учение о человеке, по своему значению равновеликое открытиям Ньютона, Эйнштейна, Дарвина, Фрейда и пр. Он был уверен, что его «теория» способна (внимание!) вывести человека в пространство надчеловеческого и сверхчеловеческого

Человечина под соусом аполитичности — 7, или Трансперсональная психология как оружие

Возможно, кому-то могло показаться, что мы как-то отрицательно относимся к Рут Бенедикт и ее исследованиям. Со всей ответственностью заверяем читателей, что это не так, то есть совсем не так. Рут Бенедикт, без всякого сомнения, — выдающийся ученый своего времени, работы которого в чем-то определили дальнейшее развитие американской культурной антропологии. Только вот направление этого развития — то ли из-за некоего мировоззренческого «крена» самой Рут Бенедикт, то ли из-за веяний времени, с которыми работы Бенедикт от лично совпали, — оказалось несколько, мягко говоря, опасным для человеческой культуры.

Ведь в чем заключались эти «веяния времени»? Они были, в том числе, в том, что западному миру нужно было срочно, вынь да положь, найти «противоядие» от коммунистических идей, чтобы эта восточная «зараза» после Победы 1945 года не поразила весь западный мир. И вот тут идеи о культурном релятивизме оказались более чем кстати.

Потому что культурный релятивизм как идеология убивает все и всяческие ценности и нормы, любые человеческие идеалы, «просто» объявляя их рядоположными и равнозначными: нет никакой разницы между надписью на заборе («граффити») и «Джокондой» Леонардо да Винчи — и то, и то — самовыражение, «видение художника»; нет никакой разницы между большевизмом, как называли советский коммунизм на Западе, и нацизмом — и то, и то суть естественные для соответствующих народов (русских и немцев) мировоззрения, хорошо объяснимые из истории культуры этих народов. Причем характерно, что «культуры» в этом сниженном понимании, когда культура понимается не как определенная система ценностей и смыслов, имеющих общечеловеческое значение, а как набор малозначимых отклонений, психологических особенностей и мелких обычаев, которые как раз своей мелкотравчатостью отрицают всякую возможность большой культуры. (Информация к размышлению для сомневающихся. Цитата из работы Николая Бердяева «Религиозные основы большевизма. Из религиозной психологии русского народа»: «Большевизм идет по стопам Великого Инквизитора. Во имя счастья и равенства дух этот хотел бы истребить всё возвышающее, всё качественное, всё ценное, всякую свободу, всякую индивидуальность...».) А если никаких общезначимых ценностей, норм и идеалов не существует, а всё сводится к различиям в «культуре еды» или «культуре свадьбы», то ведь и правда, они все равнозначны, почему надо предпочитать одно другому? А если «всё позволено» и всё рядоположно, то и бороться не за что — какой смысл?

Конечно, можно сказать, и это, безусловно, так, что в наибольшей степени распространению идей релятивизма во всем способствовал философский постмодернизм и его последователи на культурном фронте... Но ведь и этот постмодернизм заваривался на том же бульоне — «жизненной потребности» капиталистического Запада убить коммунизм вообще и Советский Союз как его земное воплощение — совсем не идеальное, но и в таком виде страшное для Запада

до ужаса. Так что работы Рут Бенедикт стали важной составляющей некоего исключительного важного для западной культуры вектора, развитие которого еще далеко не закончено, но который уже (в качестве промежуточного результата) привел к гибели СССР и фактическому разложению традиционных ценностей и культуры (в привычном смысле и словоупотреблении, как в выражении «культура Возрождения», например) на самом Западе. Таким образом, получается, что идеологическое значение работ Бенедикт, хотела она этого или нет, осознавала или нет, оказалось несравнимо большим, чем их научное значение.

Однако в русле нашего повествования об Абрахаме Маслоу и его теории Рут Бенедикт нас интересовала в совершенно другом аспекте — как определенный самим Маслоу пример и идеал самоактуализирующейся личности. С одной стороны, Маслоу можно легко понять: Рут Бенедикт во всех смыслах была личностью неординарной. «Коллеги описывали ее как магнетическую личность. Чарующе красивая, она была с детства почти глухой и развила навык понимать речь по губам. При разговоре ее большие глаза внимательно всматривались в лицо собеседника. Аура грусти, витавшая вокруг нее, часто пробивалась ее юмором». С другой стороны, трудно, согласитесь, считать Бенедикт человеком, являвшим собою пример и «руководство к действию для всего человечества, чьи ценности должны лечь в основу научной этики», как писал Маслоу в работе «Религия, ценности и пиковые переживания». (Да и вообще несколько странно выглядит идея, что ценности человека, отставившего культурный релятивизм, должны быть положены в основу чего-либо, то есть стать общезначимыми и общепринятыми.) В общем, мало подходит Бенедикт для того, чтобы служить моральным авторитетом и нравственным камертоном, а уж тем более «руководством к действию для всего человечества».

Что ж, оставим на этом Рут Бенедикт и вернемся к самому Маслоу. И посмотрим на оставшиеся не рассмотренными нами 8 признаков самоактуализирующейся личности.

Начнем на этот раз с конца. Пятнадцатый признак самоактуализирующейся личности, по Маслоу, — «сопротивление окультуриванию (т.е. определенная устойчивость к давлению социальных норм)». Тут всё понятно, хотя и звучит угрожающе. Ну в самом деле, что это за особи, которые «сопротивляются окультуриванию»? Принципиально бескультурные? Это те самые, у которых, «когда они слышат слово «культура», рука тянется к пистолету»? Пугаться бессмысленно, уважаемые читатели, потому что всё еще страшнее, чем нам кажется. Дело в том, что А. Маслоу, как мы уже не раз говорили, считал, что главный враг личности, и особенно самоактуализирующейся, — это общество. Поскольку культуру порождает именно оно, общество, вместе со всеми присущими ей, культуре, нормами, ценностями и так далее, то долг каждого ~~на~~ ~~его~~ самоактуализирующегося человека — не поддаваться давлению этих злобных норм. И кто больше не поддается — тот более, согласно Маслоу, самоактуализирующийся, то есть более правильный.

На этом месте самоактуализирующаяся личность заиграла для нас новыми красками. Потому что мы помним, что она также характеризуется «непосредственностью и естественностью» (третий признак), которая при одновременном «сопротивлении окультуриванию» должна принимать иногда поистине страшные формы... А еще эта самая личность отличается центрированностью на своей проблеме, любой (четвертый признак). То есть мало того, что она, будучи устойчива к давлению социальных норм, ведет себя «непосредственно и естественно», так она еще и центрирована на своей проблеме. «Вместо шапки на ходу он надел сковороду» — это еще самое безопасное поведение такой личности! Поскольку более всего под описание Маслоу подходит какой-нибудь отвратительный бандит из подворотни — без всяких шуток! А что? Он по-своему «более адекватно, чем другие» воспринимает действительность, центрирован на своей «деятельности», очевидно успешно «сопротивляется окультуриванию»... И ведь «принимает себя» при всем при этом! А наши отечественные, с позволения сказать, «бизнесмены»? Чем не самоактуализирующиеся личности? Уж более «устойчивых к давлению социальных норм» (вроде норм «не укради», «не убий» и пр.) людей трудно себе представить...

Четырнадцатый признак нашей любимой самоактуализирующейся личности — «креативность». Да-да, именно! Что это такое в данном случае, неясно, но это та самая креативность, которая стала главным отличием «креативного класса», о котором мы уже много писали ранее. Наверное, Маслоу имеет в виду что-то «поэтическое» вроде всё той же нечувствительности к различным нормам, в результате которой становится возможным нешаблонное поведение и нешаблонные решения во всех сферах. Но читатель, наверное, уже понял, что, как и другие признаки, «креативность» скорее декларативна, чем содержательна: самоактуализирующаяся личность, по Маслоу, — средоточие «сверхчеловеческих» качеств, и без креативности тут не обойтись.

Тринадцатый признак — «философское чувство юмора». Без комментариев (потому что если это признак, то весь наш народ, за исключением маленьких детей, гаишников и инспекторов пожарной охраны, состоит из самоактуализирующихся личностей, а если все такие, то это никакой не признак, потому что никого не выделяет).

Двенадцатый признак самоактуализирующейся личности, по Маслоу, — это «разграничение целей и средств их достижения, которое основано на сложившейся иерархии ценностей». Здесь хотелось бы поподробней, но не получится, потому что о иерархии ценностей Маслоу ничего говорит — он говорит о иерархии потребностей. Вряд ли будет правильным приравнять потребности к ценностям, хотя... Может, Маслоу имел в виду, что потребность, пока она не удовлетворена, может быть целью, а когда удовлетворена — только средством? Или тут речь идет о том, что не все цели оправдывают средства, а только такие, которые самоактуализирующаяся личность (которая не зависит от общества!) сочтет по-настоящему

значимыми в соответствии с индивидуальными предпочтениями. Вот, например, был такой исторический персонаж по фамилии Гиммлер. По-своему креативный, да и в чувстве юмора ему не откажешь. Кроме того, он очевидным образом всю жизнь сопротивлялся окультуриванию, был центрирован на своих проблемах и, по его собственному мнению (а мнения других людей не имеют значения), более адекватно воспринимал действительность, чем «обыкновенные» люди. И у него была какая-то своя система ценностей, наверное. В соответствии с которой он ставил цели и выбирал, какие средства этим целям адекватны, а какие — нет. Вроде бы, по всем признакам, самоактуализирующаяся личность...

Одиннадцатый признак уже сильно поднадоевший нам самоактуализирующейся личности — «демократический характер». Тут имеется в виду тот самый культурный релятивизм, который мы только что обсудили, но на индивидуальном уровне. То есть пресловутая толерантность. Ну, или равнодушие, безразличие ко всему, что не я. Поскольку общество и всё, что от него исходит, — зло по определению, поскольку при этом общество совершенно не исправимо, то и незачем напрягаться — пусть расцветают 100 цветов! Главное, чтобы меня не трогали!

Десятый — «глубокие межличностные отношения» — и девятый — «общественный интерес, проявляющийся, в том числе, в стремлении помочь другим людям» — признаки рассмотрим вместе. Совершенно не понятно, как они сочетаются с остальными признаками, а в особенности с пятым — «независимостью, которая проявляется, в том числе, в потребности в уединении». Как-то на быденном уровне кажется, что если человек принципиально независим от других, отстранен, «не нуждается в друзьях» и т.п., то откуда возьмутся «глубокие межличностные отношения» и «стремление помочь другим людям»? Здесь, очевидно, есть какое-то противоречие, не правда ли? А если к этой «независимости» приплюсовать ее «неокультуренность», то есть бескультурье, то и вообще становится ничего не понятно: откуда берутся люди, согласные на «глубокие межличностные отношения» с этой ненормативной, но креативной и демократической личностью? Разве что самоактуализирующиеся имеют отношения только к себе подобным, но тогда неясно, зачем им эти отношения...

Наконец, восьмой признак самоактуализирующейся личности, который без преувеличения можно назвать самым важным для Маслоу — «вершинные или мистические переживания». Маслоу описывает их так: «Предельные переживания, характеризующиеся ощущением исчезновения собственного «Я». Более частые проорывы на пик переживания. Эти переживания помогают изменять к лучшему мнение человека о самом себе... Они высвобождают творческие способности, спонтанность, экспрессию, неповторимость индивида...». Характерно, что этот восьмой признак, по Маслоу, — чуть ли не главный признак самоактуализирующейся личности. И на то есть свои причины, а также неизбежные последствия. Но обо всем по порядку, поэтому сначала о причинах.

НАША ВОЙНА

Маслоу считал, что создал новое эпохальное учение о человеке, по своему значению равновеликое открытиям Ньютона, Эйнштейна, Дарвина, Фрейда и пр. Он был уверен, что его «теория» способна (внимание!) вывести человека в пространство надчеловеческого (для нас привычнее термин «сверхчеловеческое», но Маслоу его не употребляет, а всё время говорит о «надчеловеческом», впрочем, сути — сверхчеловеческой — это не меняет):

«Я бы сказал, что считаю гуманистическую психологию третьей силы переходным, подготовительным этапом для «высшей» четвертой психологии (здесь и далее выделено нами — Авт.) — трансперсональной, трансчеловеческой, обращенной более к миру, космосу, нежели к человеческим потребностям и интересам; психологии, выходящей за пределы человеческой природы, идущей дальше человечности, идентичности, самоактуализации и т.п. Мы нуждаемся в чем-то «большем, чем мы есть», чтобы испытывать благоговение и отдаваться новому, естественному, эмпирическому, не церковному чувству...».

Конечно, и «третья», и «четвертая» психология Маслоу никакими «теориями» в строгом смысле слова не являются. Все, кто пишет о Маслоу, признают, что его работы являются в большей степени собрание противоречащих друг другу и имеющих различное происхождение мыслей, точек зрения и гипотез, нежели последовательно развиваемой теорией. Но давайте попробуем реконструировать «теорию» Маслоу — в самых общих чертах, хотя бы схематически. И получится у нас конструкция состоящая из трех уровней.

Внизу — биологическое, природное начало человека (к которому относятся потребности со всех этажей пирамиды Маслоу, без исключения). Человек, говорит Маслоу, изначально, по природе своей (чисто биологической!) — хорош, добр, благ и т.д. (собственно, именно эта декларация — никак не доказанная (а как такое докажешь?) и, в общем, с научной точки зрения бессмысленная — и заставляет многих людей, поверхностно знакомых с творчеством Маслоу, считать его гуманистом).

Вверху — те самые «вершинные, мистические, предельные переживания», которые Маслоу считал высшим достижением развития человека и которые открывают путь к «надчеловеческому». Эти переживания, по Маслоу, тоже абсолютно благи и чисты, как и «человек биологический».

А посередине между этим чудесным надчеловеческим верхом и замечательным, изначально благим биологическим низом...

действует ужасное, отвратительное, принципиально злое общество, которое корежит человека, не дает ему развиваться, портит его здоровую природу, делая его больным, и всячески препятствует его «развитию» в сторону надчеловеческого экстаза. Новое слово Маслоу состоит в том, что при такой схеме он не считает нужным что-то изменять в обществе (и это в XX веке!). Наоборот, он проповедует максимальное игнорирование человеком общества (вспомните «сопротивление оккультурированию», «независимость и отстраненность» и пр.), и развитие человека как бы без общества и вне общества. Более того, только такое игнорирование, по Маслоу, и может привести и к самоактуализации, и к высотам надчеловеческого — к предельным переживаниям. Как? — спросит читатель. Как, как... А вот, помните, есть такая песня у Высоцкого:

*Нам осталось уколоться
и утять на дно колодца,
И там пропасть на дне колодца,
как в Бермудах, навсегда.*

Вот именно так, по мнению Маслоу, и надо сопротивляться «оккультурированию».

Почему-то при большой «раскрутке» пирамиды потребностей Маслоу, у нас мало кто знает, что он не только основоположник «гуманистической» психологии, но и один из отцов «трансперсональной» психологии. Не знаете, что это такое? Сейчас, сейчас...

Мы уже говорили, что Маслоу считал, что создал не просто новое направление психологии — «третью силу», преодолевающее ограниченность «первой» и «второй сил» — бихевиоризма и фрейдизма, а новое эпохальное учение, которое призвано перевернуть жизнь человечества. Эту роль должна была сыграть гуманистическая психология, которая была организационно оформлена в начале 60-х годов учреждением соответствующих ассоциаций и журнала, которые автор и возглавил. Маслоу пишет: *«Мой большой план в масштабе жизни состоит в том, чтобы построить всеохватывающую и систематическую психологию и философию человеческой природы и общества, которая уже находится в процессе формирования. Эта гуманистическая психология представляет собой в самом подлинном смысле общий и всеохватывающий взгляд на жизнь, мировоззрение, или жизненную философию, являющуюся не только интеллектуальной конструкцией, но способом жизни; систему этики и ценностей, политики и экономики, образования и религии; философию науки*

и т.д. Новый образ человека и новый образ общества порождают изменения во всех аспектах человеческой жизни... Эти новые возможности революционны почти в том же смысле, в каком мы говорим о дарвиновской революции, — или о фрейдовской, ньютоновской, эйнштейновской революциях». Далее он планировал не больше и не меньше, чем «разработку философии демократической политики, экономики и этики, вытекающей из гуманистической психологии».

Эти претензии Маслоу на роль всеобщего гуру постоянно заставляли его ассимилировать любые модные идеи и подходы, связанные с развитием человеческого потенциала, очень часто лишённые даже намека на научность. В результате создалось дикое нагромождение различных подходов, которые Маслоу (да и вообще никому) было не под силу как-нибудь увязать во что-нибудь хоть на первый взгляд связанное и стройное. «Гуманистическая» психология, таким образом, становится слишком тесной для решения великой задачи построения «теории всего», и Маслоу объявляет о создании «четвертой силы», которая и получила название трансперсональной психологии.

Автор названия — один из творцов американской «психоделической революции» 60-х, Станислав Гроф, вспоминал: *«...несмотря на популярность гуманистической психологии, сами ее основатели Маслоу и Сьютич были недоверчивы той понятийной оснасткой, которую они создали в начале. Всё глубже и глубже они осознавали, что не учитывали чрезвычайно важную составляющую — духовное измерение человеческой психики. Возрождение внимания к восточной духовной философии, к различным мистическим традициям, к медитации, к древней и народной мудрости, так же как и всё ширившееся распространение психоделического экспериментирования в течение бурных 1960-х годов абсолютно ясно показало, что всеобъемлющая и действительная для всех культур психология должна была впитать в себя сведения из таких областей, как мистические состояния, космическое сознание, психоделические переживания, явления транса, творческого, религиозного, художественного и научного вдохновения».*

В 1967 году небольшая рабочая группа ... встречалась в Менло Парке, Калифорния, с целью создания новой психологии, которая будет учитывать всю полноту человеческих переживаний, включая и различные необычные состояния сознания».

Именно в ходе этих встреч Маслоу согласился на предложение Грофа назвать новое направление «трансперсональной психологией». Это новое понятие заменило собственный термин Маслоу, который, как мы уже говорили, предпочитал говорить о «надчеловеческой психологии» или «выходящей за пределы человеческих дел».

Таким образом, можно с полным основанием считать, что «трансперсональная» психология — полная правопреемница «надчеловеческой» психологии, которая, в свою очередь, есть естественная стадия развития «гуманистической» (по Маслоу) психологии. То есть логично следующее из теоретических представлений Маслоу стремление полностью выйти из-под влияния общества и развиваться в сторону индивидуальных «предельных» переживаний естественным образом привело его к псевдопсихологии, занимающейся только переживаниями, причем не обычными, свойственными всем людям, а надчеловеческими «измененными состояниями сознания», которые достигаются исключительно «психоделическим» (то есть наркотическим) путем.

Маслоу не успел по-настоящему вернуться в трансперсональную психологию (он умер в 1970 г.), и обрести такую всемирную трансперсональную славу, как его соратники Станислав Гроф, Тимоти Лири, Рам Дасс, Фредерик Перлз и др. Каждый из этих единомышленников Маслоу вполне заслуживает отдельной статьи или детективного сериала. Все они известны искусным совмещением псевдогуманистической демагогии с участием в секретных экспериментах ЦРУ на ничего не подозревающих людях. Все они прославились также личной половой распущенностью, наркоманией и хамством, которые прекрасно сосуществовали с публичной ролью почти святых, готовых исцелить человечество от всех недугов и несчасть. Также все они удивительно умело совмещали имидж преследуемых властями революционеров и кумиров

молодежи с функциями провокаторов и осведомителей ФБР. Но это всё — несущественная чепуха на фоне их основных «научных» и «общественно значимых» достижений.

Основные заслуги создателей трансперсональной психологии (и Маслоу, безусловно, — один из них!) связаны с разжиганием угрожающих по масштабам психоделической и сексуальной революций, а также эпидемий деструктивных культов, черной мистики и контркультуры, захлестнувших США и весь мир в 60–70-е гг. *«По некоторым данным, галлюциногены к середине 60-х годов регулярно принимали около 10 000 000 человек. В США к 1966 г. не менее 8 тыс. подпольных лабораторий производило и распространяло LSD. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе появились целые «кислотные» районы, где до 50% жителей регулярно употребляли наркотики».* LSD считали наркотиком интеллектуалов и богемы. Один из известных адептов нового учения, гарвардский психолог Тимоти Лири, объявил о невероятной духовной ценности наркотика. По его инициативе начались открытые эксперименты с LSD в Гарварде. Ричард Олперт (впоследствии гуру Баба Рам Дасс) и писатель Кен Кизи стали последователями нового учения. Рам Дасс писал: *«LSD — это Христос, пришедший в Америку в Кали-югу».* В результате этих «революций» в Америке второй половины 60-х годов резко возрастает число психических пациентов, что вынуждает власти открыть около 6000 пунктов психиатрической помощи; 15–20% наркоманов получают диагноз «шизофрения», с большой скоростью растет количество преступлений, убийств и самоубийств под влиянием галлюциногенов. Наконец, LSD полностью запрещают к применению в Европе и Америке. И хотя запрет не прекратил «психоделической революции», однако интенсивность этого явления к концу 70-х годов спадает. Число людей, употребляющих LSD, неуклонно снижается, достигнув минимума в 1991–1992 гг. Но с 1993 г. (!) во всем мире вновь отмечен стабильный рост употребления галлюциногенов.

Отдельно хочется отметить огромную роль трансперсональной психологии в борьбе против традиционных конфессий, каковая борьба, по сути, расчищала дорогу сектам, сатанистам и пр. Тимоти Лири писал: *«Мы восстали против иудео-христианской веры в Единого Бога, против единственной религии и единственной реальности — всего того, что веками тяготело как проклятие над Европой, а с момента ее основания — и над Америкой. Наркотики, открывающие нам множество разных реальностей, неизбежно влекут за собой политеистический взгляд на мир. Мы почувствовали, что настало время новой гуманистической религии, основанной на умном, добродушном плюрализме, — время научного язычества».* А вот Гроф: *«Всё, связанное с обрядовой и духовной жизнью человечества, будет изъято из миропорядка, и исторические события, вдохновленные религией, будут стерты, как будто их и не было».*

Таким образом, «гуманистическая» психология Маслоу в ее высшей, действительно «надчеловеческой», трансперсональной фазе расцвела, без преувеличения, настоящими цветами Зла. И это случилось не случайно, а вполне закономерно. Потому что в основание «гуманистической» психологии Маслоу, несмотря на все крики о «доброте» человеческой природы, изначально было заложено и презрение к «слабому» человеку, и ненависть к обществу, что равно ненависти к людям, его составляющим. И совершенно естественно это «научное направление» завершилось (хотя еще не вполне) распространением социальных практик, необратимо разрушающих и человека, и общество.

И тут мы, наверное, можем, наконец, ответить на вопрос о том, почему же «теория» Маслоу стала внедряться в России вместе с перестройкой. Маслоу приволокли и начали активно продвигать в России, скорее всего, потому, что он был родоначальником этой самой разрушительной «трансперсональной психологии», которую в перестройку чуть не насильно пропагандировали, так как использовали ее как оружие в войне против наших людей и нашего общества. Но это уже совсем другая история.

Юлия Крижанская,
Андрей Сверчков

ВОЙНА ИДЕЙ

Как неслучайна ненависть, обращаемая «этими» нынешними уже не на историческую фигуру даже, а на ее гранитный образ!

ЛЕНИН И «ЭТИ»

Галю? Я вже в Європі

Воскресенье, аккурат в момент сдачи номера, из Киева стали приходить горячие, очень горячие новости. И смели собою то, что уже было написано в данную рубрику. Смели, потому что когда начинается горячая фаза войны идей, невозможно разбирать идеи вообще, в их, так сказать, академическом измерении. А надо отвлечься от теории и посмотреть на происходящее, как оно того требует, — попросту.

Итак, в воскресенье вечером в Киеве, на Бессарабской, «попросту» скинули памятник Ленину. А потом еще и разбили его на куски кувалдами. Расправа над идеологическим врагом сопровождалась торжествующим воем и обязательной в таких случаях нецензурщиной. Видеосожет, запечатлевший событие, как он ни мерзок, стоит посмотреть внимательно — сразу понятнее станет, что именно ждет Украину, буде эти «европейски ориентированные» придут к власти. А еще он интересен тем, что являясь практически калькой с известных событий в Москве в августе 1991-го, очень отличается от них специфическими «энергиями», которые гуляли в разбушевавшейся толпе. Кстати, толпе совсем немногочисленной по сравнению с той, что носила Дзержинского. Даже просто мизерной — человек двести. Но зато заметно профессиональной. Да, это вам не младенческие годы демократии! Это совсем уже другое. Несопоставимое с полукарнавальным действием перестройки. В Киеве разворачивается всё же НЕ карнавал — как бы ни были на вид карнавальны персонажи, и как бы ни хотелось считать их таковыми. Несхожесть схожего — вот что обращает на себя внимание.

В чем разница? Да как раз в том, чем от карнавала, имитации шабаша на «Лысой горе», отличается подлинный Брокен. В украинском случае мы впервые сталкиваемся с грубой открытостью явления — «эти» уже и не пытаются косить под демократов. Новизна в том, что всё происходящее грубее, отвязаннее, что нынешние «революционеры» не боятся, что их политический стиль отчетливо адресует к фашистскому путчу. Все-таки как ни клеим события 1991 года, но тогдашняя толпа и даже ее лидеры были куда как наивнее, воздух заглоченной «свободы» реально мутит головы, и это хоть как-то их оправдывает. Но по прошествии двадцати с лишним лет — о какой наивности речь? Технологично и холодно. Отработано и заученно. Так, как и тренировали специалисты.

«Мы сейчас на Народном вече. Все решения принимаются на Вече. И прошу вас, чтобы сейчас мы приняли решение, которое станет основой для контроля над городом Киевом. Нам нужен революционный комитет города Киева. И его надо сегодня избрать. Я готов взять на себя эту ответственность и попросил бы вас проголосовать за это», — так идет самовывдвижение в вожди «восстания» Николая Катеринчука, народного депутата и лидера «Европейской партии Украины». «Вече» его единогласно поддерживает.

«Революция побеждает только тогда, когда она побеждает в столице, и мы с этого дня должны контролировать в Киеве каждую улицу, каждый двор, каждый уголок Киева. Я обращаюсь к киевлянам: уважаемые, без вас ничего не будет. Мы благодарим вас за то, что вы сегодня здесь, на Майдане, вместе с другими участниками, которые приехали со всей Украины. Но это должно быть не только в субботу и воскресенье. Это должно быть завтра и послезавтра. Должна быть полная мобилизация. Мы должны установить полный контроль над городом Киевом. Мы должны поставить блокпосты на всех въездах в Киев. Мы должны контролировать передвижение вооруженных формирований и милиции. Они должны спрашивать у вас разрешения о том, могут ли они куда-то ехать или нет».

Чувствуете стиль? То ли взятая Зимнего, то ли... И ужасно, нестерпимо этот «вождь» похож на Навального... И что-то напоминает, до боли знакомое... А!

Сядь на козла, садись на шест,
На вилах соверши свой въезд.
Но знай: ты попадешь туда
Сегодня или никогда.

Ну конечно, «Фауст!» «На Брокен ведьмы тянут в ряд, овес созрел, ячмень не сжат...»

«Поэтому я обращаюсь к вам, киевлянам. Мы должны с вами сказать снова: „Донецких — вон из Киева!“ Не дончан, а именно „донецких“. Но сейчас мы должны с вами начать важное дело. Каждый день мы должны формировать отряды ради безопасности каждого, кто есть в Киеве и на Евромайдане. И завтра мы выбросим Попова из кабинета, потому что он не выполняет свои обязанности».

Действительно, сегодня или никогда! Вот нерв происходящего. И — его внутренняя паника.

Хотя... Надо же, прежде не приходило в голову, что ленинское «вчера было рано, завтра будет поздно», это то же «сегодня или никогда». Однако как мало сущностного сходства между теми и нынешними лицами и движущими ими идеями! Притом что о благе для народа в сегодняшнем Киеве говорится не меньше, чем в тогдашнем Петрограде.

И как неслучайна ненависть, обращаемая «этими» нынешними уже не на историческую фигуру даже, а на ее гранитный образ! С ненавистью всё понятно — семьдесят лет под ленинским стягом вполне себе «смотрятся» на фоне нынешней безнадеги даже глазами аполитичного обывателя. И память о них приходится не стирать, а буквально выбивать. Кувалдами и НПП-технологиями. Что и делается. Но не так успешно, как хотелось бы организаторам. Лидеры Майдана хорошо чувствуют шаткость своей позиции и, конечно, обреченность для них референдума. Потому торопятся сделать как можно больше «необратимостей», зашагнуть, используя инерцию рывка, как можно дальше на запретную прежде смысловую территорию — не в последнюю очередь, полагая повязать этим Запад. Вот уже министры иностранных дел Польши и Швеции высказали свое одобрение сносу памятника Ленину... А ведь официальные лица! Что еще одобряет под сурдинку «права на восстание»?

Вот тут начинается самое главное. Тут надо разобраться, что именно отличает настоящий Брокен от его имитации — карнавала. Ведь ощущение нового качества известного процесса довольно сильно. И наверняка не у меня одной.

Ну прежде всего налицо эта самая заряженность качественно другими, черными энергиями. Вроде там и там разгул стихии разрушения, вседозволенность и прочее. Однако карнавальное разрушение знает про себя, что оно временное. Это гульба, после которой неизбежно будут считать битые тарелки. Да, иной раз их бьют с очень далеко идущими последствиями — как это и оказалось в перестройку. Но сама перестроечная «пьянка» не осознавалась инфантильным, по сути, обеществом как серьезный перелом. Скорее как праздник непослушания. Ну, то есть именно карнавал. Оторвались.

Прожить жизнь надо так,
чтобы мразь боялась даже твоего памятника

Теперь — иное. Иные люди, иная повадка. Я имею в виду радикалов, осуществляющих на Украине «оппозицию режиму». Тут не до шуточек. Лицо нового радикализма не стесняется жестокой гримасы. Оно ее демонстративно предьявляет. Подает как визитную карточку — мол, мы пришли, знакомьтесь. И всё это начисто лишено игрового начала. Как себя предьявляют? Нет, не только грозными обещаниями с трибуны Майдана, и не только «перформансом» с кувалдами. Шестьдесят два «беркутовца» с серьезными травмами и один погибший — мало? А сам эпизод, заснятый на видео, когда парней отнюдь не шутовски забивали на площади — всё той же, у еще стоящего Ленина? Почему-то это было представлено как бесчинство «Беркута» по отношению к митингующим. Но кто кого бил смертным боем, очень хорошо видно. И то, что действует не толпа под влиянием эмоций, а специально тренированные люди, и весьма грамотно — тоже ой как видно.

Это, кстати, второй яркий признак, отличающий Брокен от карнавала. Нет никакого хаоса. Где хаос, где беспечное коловращение толпы, где «огонек»? Нету их. Угрюмые лица, слаженные действия, команды. Приказы собранным «полуведьмам» — ну совсем на манер процитированного. «Сядь на козла». «Садись на шест». «На вилах соверши свой въезд». «Шнеллер, шнеллер! Сегодня или никогда!». Многие узнают этот почерк. Проводят прямую аналогию с чередой событий 1941 года, после занятия Киева фашистами (тоже, кстати, начали со сноса памятника Ленину и обещания свободного перемещения в Европу).

Итак, слаженные действия хорошо подготовленных боевиков, порядок, черная энергетика. Бульдозеры, цепи... летящие в воздух команды... летающие в воздухе щипцы — в общем, натиск. Из совсем нового — подключение детей десяти-четырнадцати лет. Немалой группой, маршем идущие с Майдана

и автоматически, как зомби, с вытаращенными глазами выкрикивающие что-то про «Украину» (об этом пишут с нескрываемым ужасом очевидцы). Или вот образчик того самого «черного»: очень натуралистически выполненный муляж головы Каддафи, насаженный на палку. Под ним: «Вітьок! Шухер. Кранты!» Нормальненько так — для европейской-то страны?

И вот «этих», именно их, намерена интегрировать Европа. Она что — ослепла, оглохла? Или разворот к фашизму назрел и вполне вписывается в чьи-то планы? Похоже, второе. Сильно похоже.

Характерно, что некоторым — и не маргиналам-отморозкам, а представителям э-э-э... отечественного истеблишмента — видится, будто Европа недостаточно поддерживает украинскую оппозицию. Политолог Лилия Шевцова (Фонд Карнеги) сокрушается, мол, не вся «мощь либеральных демократий» идет в ход: «Но хватит ли у Запада понимания важности и трагизма исторического момента? ... А время уходит, и неясно, сколько еще будет стоять Майдан... Поражение Майдана станет новогодним подарком для Кремля. Но это будет поражение не только Украины. Это будет поражение западной цивилизации». Во как! Поражение западной цивилизации. А таскание по площадям «головы» растерзанного человека — это, надо понимать, торжество западной цивилизации. Вам не кажется, что после таких пассажей из-под миловидной маски этой дамы, приятной во всех отношениях, проглядывает что-то уже вполне ведьмовское? Тот самый Брокен?

Карнавал — лишь разминка, всё начинается им, а кончается... Да-да, правильно! — кончается полноценной фашизацией процесса. В промежутке — обязательное осквернение памятников и могил. Вот новое сообщение: «Евромайданчики осквернили братскую могилу рабочих „Арсенала“. Мемориал был установлен в память о погибших участниках Январского восстания 1918-го года на территории Марининского парка. Здесь же находится братская могила рабочих и коммунистов. Январское восстание в Киеве вспыхнуло 29 января 1918 года после того, как Центральная рада провозгласила „независимость“ Украинской Народной Республики. 1-4 февраля восстание было подавлено петлюровцами. Активных участников расстреляли. 9 февраля 1918 года представители Центральной рады подписали сепаратный мирный договор с Германией и Австро-Венгрией, в результате которого Украина была оккупирована немецкими и австрийскими войсками».

Что ж, война «этих» (носителей идеи «независимости, плавно переходящей в оккупацию») с носителями коммунистической идеи — разгорается. Это закономерность. И тут можно только присоединиться к автору плаката.

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Внедрение Болонской системы в России теми методами, которыми оно ведется, есть не улучшение системы образования, а прямые военные действия против нее

Болонская химера

В сентябре 2003 года Россия присоединилась к Болонской декларации, которая ставит своей задачей объединение европейского пространства высшего образования. Давайте рассмотрим историю возникновения этой декларации, развитие вопроса и некоторые результаты, которые уже сейчас можно наблюдать в европейских странах.

Для глубокого понимания контекста я должен напомнить о том, что говорил в своих предыдущих статьях. Что системы образования в России (и в СССР) и в Европе формировались принципиально разными путями. В России была создана централизованная система государственного регулирования с единым видом учебных заведений, единой и наследуемой учебной программой. В Европе же напротив государство минимально вмешивалось в систему образования. Единая программа обучения не создавалась. Каждая территория внутри государства (земля, графство и так далее), а зачастую даже и каждое учебное заведение, могли формировать свою учебную программу.

Время показало, что централизация обеспечивает систему образования, которая дает значительно более качественный результат. Что же произойдет с централизованной системой, если в нее начать внедрять модули децентрализации? Вполне очевидно, что она начнет разваливаться, но и новая система не сложится. То есть, такое внедрение есть мощное оружие против достаточно качественного образования.

Так вот, Болонская система и есть тот самый модуль децентрализации, который взрывает централизованную систему полностью.

Может сложиться впечатление, что я стою на позиции полного антизападничества. То есть яростно отрицаю всё западное и столь же яростно защищаю свое, посковское. Это впечатление ложное. Было бы полным безумием отрицать западный опыт только на основании того, что он западный. Если его можно использовать, не разрушая русские традиции, но совершенствуя те или иные направления социальной или технической составляющей нашей жизни, то использовать этот опыт нужно.

Точно таким же безумием является слепое подражание Западу и внедрение западных подходов без оглядки на наши традиции.

Теперь оценим последствия введения Болонской системы в России с этих позиций.

Изначально Болонская декларация была подписана в Италии в 1999 году по результатам длительного сотрудничества европейских стран в сфере образования как ответ на сегментацию европейского высшего образования, которая мешала развитию науки. Обратите внимание — сегментация мешала развитию науки! Это признают европейские страны! Но так как каждая страна не желала отходить от привычной ей системы образования и переходить на некую унифицированную систему, они стали конструировать некую химеру, которая должна была как-то склеить изначально сегментированное образование.

Основными целями этой декларации были:

- повышение мобильности учащихся и преподавателей внутри Европы (мобильность предполагает возможность студентов по их желанию перемещаться между европейскими университетами в процессе обучения);
- разработка универсального механизма оценки полученного диплома (так называемой европейской системы зачетных единиц трудоемкости дисциплин);
- переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат и магистратура).

Таким образом, вместо выработки унифицированной программы обучения Европа перешла к некой усредненной оценке образования «вообще» через оценку трудоемкости обучения.

Поясню новое понятие — «усредненная оценка».

Невозможно посчитать, например, только аудиторные часы, которые студент потратил, присутствуя на лекции. Потому что в разных учебных заведениях разный подход

к обучению. Где-то основные занятия проходят в аудитории. А где-то считается, что основные знания студент приобретает при самостоятельной проработке рекомендованной литературы.

Поэтому была введена шкала трудоемкости предметов — «кредиты». В ней 60 «кредитов» соответствуют одному году обучения. Эти кредиты можно накапливать, засчитывать привезенные из других вузов при возвращении студента в базовый вуз.

Даже без применения этой системы к российским реалиям и к нашему советскому образовательному наследию видно, что система порочна изначально. И об этом говорили российские эксперты, которым безразлично наше образование. Вначале они лишь предсказывали, но теперь это уже факт, который можно непосредственно наблюдать.

Кредитная система закладывает несколько мин под российскую централизованную систему образования. Это и есть та самая химера, которая вырастает из желания как-то собрать воедино раздробленные кусочки европейского образования без унификации. Она же приводит — так в нашем случае — к раздроблению существующей единой системы.

Что же это за мины?

Первую можно условно назвать — фрагментарность знаний.

Университет в Болонье, самый древний в Европе

Кроме некоей минимальной базы студенты должны добрать кредитов до годового уровня. И набирать их можно совершенно фрагментарно. В любом институте, будь то технический вуз или гуманитарный при старой системе обучения дается полный курс сопутствующих предметов. Более глубоко или менее, но он дается не фрагментами. Например, в бывшем Институте восточных языков абсолютно не важно, на каком направлении учился студент — арабские страны, Китай или Ближний Восток. Студент изучал историю Средних веков Запада, Нового времени, полную историю как Востока, так и Запада и, что очевидно, полную историю страны, по которой он специализируется.

Как это выглядит в рамках Болонской системы? Студенту нужно набрать баллы по древней истории. Студент записывается условно на курс «Монеты эпохи династии Цинь». И кроме монет этой династии студент ничего не знает. Баллы набраны. Древняя история считается закрытой. Но, по сути, целостной картины по древней истории нет. Есть лишь малый фрагмент этой истории. И так по каждому курсу или предмету. В итоге мы получаем легко манипулируемого узкого специалиста, который проваливается в бездну, отходя на шаг в сторону от тех фрагментов, которые он изучил. А теперь представьте, что такой человек едет послом в одну из стран Востока. Он взорвет отношения между странами, даже не поняв, каким образом он это сделал.

Вторую мину можно назвать «мина размышления уровня образования».

Поскольку нужно набрать определенное количество кредитов, студент пойдет (и это уже можно наблюдать) по пути наименьшего

сопротивления. Он запишется на наиболее простые курсы и к тем преподавателям, у которых низкие требования. Те же монеты династии Цинь можно изучить досконально, а можно поверхностно. То есть даже фрагментарные знания у него будут неполноценны.

У этого процесса есть и обратная сторона. Тех преподавателей, у которых будет мало студентов, то есть мало часов лекций, будут переводить на полставки или вовсе сокращать. Таким образом вымываться будут именно самые требовательные, дающие (и спрашивающие со студентов) глубокие знания. Тем самым система понизит не только уровень студента, но и свой потенциал — в будущем она просто не сможет давать знания высокого уровня, даже если найдется желающий их получить.

Третья мина — привязка к конъюнктуре рынка. Болонская система предусматривает разделение высшего образования на две ступени — бакалавриат и магистратура. Первая ступень — бакалавриат — призвана удовлетворять существующую конъюнктуру рынка, выпуская за короткий срок узкого специалиста. При этом не делается прогнозов на изменение этой конъюнктуры. Поэтому через какое-то время оказывается, что узкий специалист, который был востребован на рынке еще недавно, теперь уже не нужен. А так как он специалист узкий, то для получения новой специализации необходимо серьезно

переучиваться. Трата на это время и деньги. Последнее безусловно выгодно для учебных заведений. Но абсолютно не выгодно для общества и государства, так как общество теряет специалиста и не может быстро использовать его потенциал (даже если не брать во внимание, что потенциал этот мал в силу узости полученных им знаний).

В итоге Болонская система низводит систему образования до уровня сферы услуг. А сфере услуг важно выкачивать из клиента деньги. Поэтому вся система построена так, чтобы человек учился, потом переучивался, снова переучивался — пока хватит денег.

Но может быть это связано лишь с нашим неумением внедрять правильные западные технологии?

Во-первых, если мы не умеем этого делать, то и не нужно, пока не научимся. Пока не начнем предварительно оценивать издержки и приобретения от таких внедрений.

Во-вторых, такие ли они «правильные»? Нужно же изучать опыт такого внедрения в других странах. А опыт говорит об обратном.

Президент Совета ректоров вузов Германии Хорст Хипплер (Horst Hippler) в интервью Süddeutsche Zeitung от 14 августа 2012 года подверг критике Болонскую систему. Он заявил, что «выпускники бакалавриата еще не являются индивидуальностями, которые нужны экономике».

Хипплер утверждает, что и работодатели недовольны реформой. Они жалуются на низкий уровень знаний выпускников. «Важно, чтобы они умели мыслить и вне рамок собственной специальности», — заявил Хипплер.

Еще в 2011 году во время визита в МГУ министр образования, университетов

и исследований Италии Мариястелла Джелмини обратила внимание на то, что Италия и Европа в целом испытывают кадровые трудности в связи с введением трехлетнего бакалавриата. Так как уровень образования бакалавров таков, что они не могут найти себе места ни в науке, ни в экономике. А промышленность Италии уже начала ощущать дефицит инженерно-технических кадров. «Полагаю, следует делать ставку на 5 лет, и такое отношение к Болонскому процессу разделяют другие страны Европы», — сказала во время визита в МГУ М. Джелмини.

В МГУ она приезжала не погостить, а налаживать сотрудничество с нашим университетом. С тем, чтобы МГУ готовил специалистов для Италии. Своих они подготовить уже не могут. Таковы реалии Болонской системы.

В России введение Болонской системы сопровождается специфическими казусами, связанными с неподготовленностью к переходу, а также с отсутствием стратегической цели качественного образования и ее подменой на цель «как в Европе и быстрее». Приведу всего лишь один пример, характеризующий методы внедрения Болонской системы.

В конце ноября 2012 года в СМИ появилась информация, что часть студентов-бюджетников НовГУ (Новгородского государственного университета) будут вынуждены оплачивать пятый курс обучения. На тот мо-

мент НовГУ проводил обучение по трем уровням квалификации — «бакалавр», «магистр» и «специалист». Но с переходом на Болонскую систему квалификация «специалист» должна исчезнуть. Министерство образования заложило в бюджет для поступивших в 2009 году финансирование только четырех лет обучения. Поэтому у студентов остался небольшой выбор: получить диплом бакалавра, поступать в магистратуру, где число бюджетников ограничено (а на некоторых специальностях ее просто нет), либо оплачивать последний год обучения.

Ситуацию пришлось решать в «срочном режиме» после того, как студенты стали писать открытые письма. В результате студентам дадут возможность доучиться. Но этот пример хорошо показывает, что может сделать бездумное, неподготовленное внедрение тех или иных технологий.

Итак, из всего сказанного можно сделать два вывода.

Во-первых, внедрение Болонской системы в России теми методами, которыми оно ведется, есть не улучшение системы образования, а прямые военные действия против нее. Даже если бы Болонская система была необходима нашему образованию, способы ее внедрения не оставляют сомнения в том, что задача состоит не в положительном реформировании образования, а прямо в противоположном.

И второй вывод — западный опыт вызывает ущербность Болонской системы. Но ее продолжают неумолимо внедрять. Следовательно, ведется война против остатков еще качественной системы образования на полное уничтожение.

Павел Расинский

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Сегодня количество ложно-сенсационной, откровенно фальшивой информации о древнем Аркаиме в общественном сознании многократно превышает любые научные данные об этом объекте

Архитектор перестройки и древний Аркаим, или Как погиб Караганский гидроузел

Кафедра «Война с историей» намерена в течение года обсудить целый ряд вопросов актуальной истории. Крайне важно, чтобы к обсуждению этих вопросов подключались специалисты, знающие ситуацию изнутри и поддерживающие нашу кафедральную инициативу. Именно таким специалистом, обсуждающим предмет, прекрасно знакомый ему изнутри, является археолог Федор Петров. Представляю читателю его позицию по весьма актуальному вопросу, касающемуся исследуемой нами темы.

И. Кургинян

Академика Александра Яковлева называют «архитектором перестройки». Он входил в число ближайших сподвижников М. С. Горбачева, с 1985 года заведовал отделом пропаганды ЦК КПСС, с 1987 года был членом Политбюро ЦК КПСС. Яковлев был идеологом и организатором многих деструктивных процессов, которые привели к развалу Советского Союза, его промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и образования. Ответственность за то, что перестройка, вопреки чаяниям советского народа, пошла этим путем, в значительной мере несет именно Яковлев.

Влияние Яковлева сказалось не только на глобальных процессах, происходивших по всему разрушаемому пространству Советского Союза, но и на уничтожении целого ряда локальных советских проектов, и на выстраивании вместо них постсоциалистической «новой реальности». В частности, Яковлев сыграл важную роль в уничтожении практически полностью реализованного проекта Караганской межхозяйственной оросительной системы в Зауральской степи и формировании на ее месте заповедника «Аркаим» и туристического комплекса, ставшего одним из крупнейших в стране центров привлечения «эзотерического» туризма «неоязычников», «экстрасенсов», и националистов антигосударственной направленности. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

В 1969 году институт «Южуралгидроводхоз» приступил к разработке проекта создания на территории Брединского и Кизильского районов Челябинской области достаточно крупной Караганской межхозяйственной оросительной системы. Ее основой должно было стать водохранилище на реке Большой Караганке, левом притоке реки Урал. Система должна была обеспечить орошение полей нескольких крупных «целинных» совхозов, располагавшихся в южной части Челябинской области, близ границы с Казахской ССР. Выращивая на орошаемых землях кормовые культуры, планировалось преодолеть наметившийся кризис с обеспечением животноводства Южного Урала кормами и существенно повысить эффективность сельского хозяйства данного района.

Согласно законодательству об охране культурного наследия, территорию, на которой планировалось разместить водохранилище, должны были обследовать археологи, а все обнаруженные на ней археологические памятники нужно было изучить с помощью раскопок, причем такие работы проводились за счет заказчика строительства. В рамках подготовки проекта Караганской системы Южуралгидроводхоз заказал разведочное обследование археологических экспедициям Уральского и Челябинского университетов.

В ходе работ 1971 и 1977 годов на участке, подлежащем затоплению, были обнаружены восемь археологических памятников. Впоследствии было установлено, что на этой территории находится более семидесяти археологических объектов.

В 1986 году Челябиноблводхоз приступил к строительству плотины Караганского водохранилища и открыл финансирование археологических раскопок.

А в июне 1987 отряд археологической экспедиции Челябинского университета выехал на территорию будущего водохранилища и приступил к раскопкам небольшой Усть-Утяганской стоянки эпохи неолита. В восьмидесяти метрах от нее были обнаружены ранее незамеченные рвы и валы очень интересного поселения эпохи бронзы.

Сначала поселение было названо Утяганским — по названию реки, впадающей в этом месте в Большую Караганку, но вскоре переименовано в поселение Аркаим — по наименованию одной из сопок, расположенных в окрестностях. Название оказалось удачным — красивое, загадочное, и со слогом «ар», который при желании было легко интерпретировать как указание на ариев, оно в немалой степени способствовало широкой известности обнаруженного археологического объекта, в том числе среди «славяно-арийских» фашистов и любителей псевдоязыческих верований.

Само поселение Аркаим представляет собой на местности два вписанных друг в друга кольца валов, внутри которых находятся радиально расположенные жилищные впадины. Древний Аркаим был крупным поселком индоевропейцев, живших в Великой Степи около четырех тысяч лет назад; он включал до 60 жилых помещений, окруженных единой стеной и имел площадь около двадцати тысяч квадратных метров.

Аркаим является важным свидетельством яркого этапа истории индоевропейской степи. Важным, но далеко не уникальным. На Южном Урале и в Северном Казахстане обнаружено более тридцати подобных поселений с интересной древоземляной архитектурой. Рядом со многими из них исследованы погребения жителей этих больших поселков, включавшие разнообразный инвентарь, жертвоприношения лошадей, коров и овец, иногда остатки древних степных колесниц: двухколесных деревянных повозок.

Раскопки Аркаима начались в июле 1987 года под общим руководством уральского археолога Геннадия Здановича. Работы проводились за счет средств, выделяемых Челябиноблводхозом. Несмотря на то, что поселение было найдено на уже дважды обследованной территории, меліораторы изыскали весьма существенные финансы на его раскопки в смете строительства гидроузла и из года в год откладывали затопление водохранилища, предоставляя археологам возможность осуществлять исследования. На раскопках Аркаима работали отряды численностью до 400 человек, собранные из школьников, студентов и археологов из разных городов Советского Союза.

Вскоре после начала раскопок Геннадий Зданович начал активно распространять идеи, согласно которым древний Аркаим представлял собой протогород с уникальной архитектурой, построенный ранее неизвестной протогородской арийской цивилизацией, и является средоточием сакральных знаний этой цивилизации о Земле, Природе и Космосе. Частично эти идеи представляют собой малообоснованные околонучные гипотезы, частично — антинаучные рассуждения с упоминанием «энерго-информационных полей», «геопатогенных зон», «открытия прародины ариев» и т.п. Они получили широкую известность среди появившихся в «перестроенной» России экстрасенсов, астрологов, псевдошаманов, «славяно-арийских» фашистов, сторонников «казачьей ведической Руси» и тому подобной публики эпохи постмодерна.

В августе 1987 года Зданович прилетел в Ленинград и привез туда предварительные материалы — аэрофотоснимок поселения и самые первые находки. 13 августа он встретился с академиком Борисом Пиотровским, директором Эрмитажа. Пиотровский по «вертушке» — прямому телефонному проводу — связался с членом Политбюро ЦК КПСС Александром Яковлевым и в тот же день направил ему письмо, в котором убедительно попросил принять скорейшие меры, которые

позволят избежать разрушение поселения Аркаим строящимся Караганским гидроузлом.

Это письмо опубликовано, а рассказ о разговоре с Александром Яковлевым содержится в предисловии Здановича к коллективной монографии «Аркаим — Страна городов: пространство и образы».

Борьба «за спасение Аркаима», а фактически — против Караганского гидроузла, осуществлялась во второй половине 1980-х по всем правилам той эпохи. Это была активная общественная кампания, в которой участвовали известные ученые, писатели, деятели культуры и искусства. Их цель была благородна и возвышенна — спасение уникального древнего «протогорода», свидетельства якобы «великой» «протогородской цивилизации». Сотрудники Челябиноблводхоза, Южуралгидроводхоза, руководители окрестных совхозов, выступавшие за сохранение практически достроенной оросительной системы, предлагали ряд технических вариантов, которые могли бы позволить сохранить археологический объект и при этом не закрывать уже практически завершено строительство. Однако все эти варианты были отвергнуты. В те годы была популярна дискредитация деятельности Минводхоза и тема «спасения Аркаима» удачно «попала» в эту струю.

Судя по рассказам причастных лиц и исходя из общей логики ситуации, именно активная поддержка со стороны Александра Яковлева и позволила в итоге провести через Совет Министров РСФСР в 1991 году решение о ликвидации почти достроенной Караганской оросительной системы, которое способствовало дальнейшему ухудшению социальной и экономической ситуации на Южном Урале.

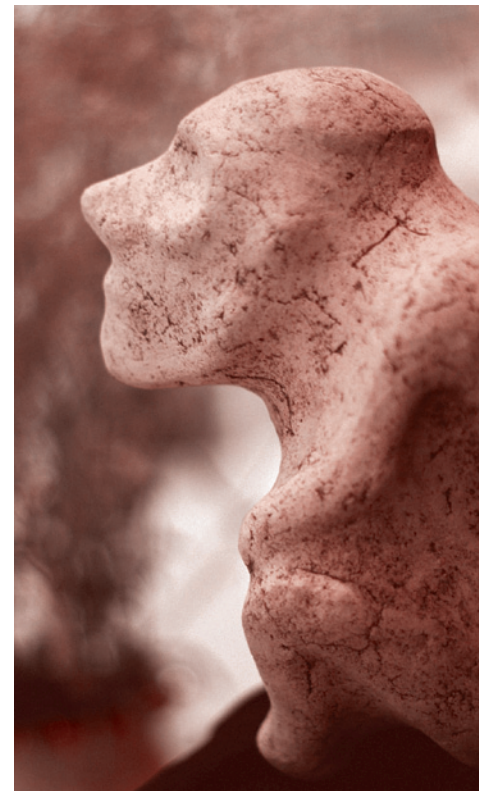
«Монстр Минводхоза», как называла его перестроечная пресса, был побежден. Археологический памятник сохранился. Правда, после того, как Челябиноблводхоз прекратил финансировать его раскопки, эти работы вскоре прекратились и не возобновлялись вплоть до настоящего времени.

В 1991 году практически полностью достроенный Караганский гидроузел с большой плотинной и множеством других сооружений был заброшен, его оборудование погребено. Все многомиллионные вложения, сделанные в гидроузел, не принесли ни копейки отдачи народному хозяйству страны. В марте 1991 Совет Министров РСФСР принял решение о создании на месте несостоявшегося водохранилища историко-ландшафтного заповедника «Аркаим» в составе Ильменского государственного заповедника, под охраной которого данный земельный участок находится и в настоящее время.

К началу 1990-х на Аркаиме была создана постоянная база научной экспедиции и основан интересный музейный комплекс, который развивается и сейчас. Но одновременно вокруг данного места поднималась широкая волна националистов и «эзотериков».

Сегодня количество ложно-сенсационной, откровенно фальшивой информации о древнем Аркаиме в общественном сознании многократно превышает любые научные данные об этом объекте. «Эзотерические» паломничества на Аркаим приняли лавинообразный характер после его посещения в 1990 году Тамарой Глобой. В своих книгах и выступлениях она называла Аркаим сакральным центром Евразии, писала о якобы случающихся здесь чудесах и знаменьях. Возрождая миф о приходе ариев с затонувшей Арктиды и добавляя в него идею об уральском Аркаиме как о второй арийской прародине, Тамара Глоба предсказывала, что «Урал соберет ариев» и станет «местом духовной концентрации» «арийской расы», особым образом связанной с Русью.

Аркаим ежегодно посещают многие десятки тысяч «эзотерических» паломников, для их приема и обслуживания возникла обширная инфраструктура. Сотни и тысячи людей везут сюда аркаимские «учителя»: Владимир Путенихин, создавший движение «Новый Аркаим»; Гульсум Еремеева, построившая

у Аркаима целый городок «эзотериков»; лидер секты «миротворцев» Владимир Ломаев, «космоэнергет» Владимир Царевский, специалист по женским «эзотерическим» группа Светлана Мальцева и многие другие. В пропаганде «славяно-арийской» ахинеи про древний Аркаим активно участвует Михаил Задорнов. Апелляциями к Аркаиму в 1990-е пытались обосновать сепаратистскую идею создания независимой «Уральской республики» депутат Свердловской областной думы Антон Баков и журналист Вадим Дубичев.

Эзотерические «Учителя» Аркаима избрели особую богиню — «хранительницу чистоты славяно-арийской расы» и утверждают, что у древних «славяно-ариев» главным законом был «закон чистоты Рода и Расы». А, например, «Рать Рода — Казачья Орда „Аркаим“», создавала военизированное формирование, ставившее своей целью антихристианский «славяно-арийский» «реванш».

Острую критику сложившейся вокруг Аркаима ситуации неоднократно высказывали сотрудники и руководители институтов Российской академии наук, в том числе Института археологии РАН, многие работники государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» и Челябинского университета, священники и иерархи Русской православной церкви. Против процессов, происходящих на Аркаиме, выступали митрополит Челябинский и Златоустовский Иов и благочинный триоцко-ластовского округа протоиерей Дмитрий Кадомцев; священник Андрей Гупало написал целую книгу, посвященную анализу аркаимского «неозычества». Однако ни ученые, ни священники до сих пор не смогли оказать почти никакого влияния на развитие ситуации.

Я убежден, что только продолжение научных исследований поселения Аркаим, важного и интересного археологического памятника, может что-то противопоставить этому процессу. Существование заповедника «Аркаим» оказалось оплачено очень дорогой ценой разрушения Караганского гидроузла и необходимо сделать всё возможное, чтобы эта жертва не была напрасной.

Федор Петров,
археолог, сотрудник историко-культурного заповедника «Аркаим»
с 1994 по 2008 гг.

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

В российском обществе регионалистские и сепаратистские идеи пока не пользуются популярностью. Но нынешняя ситуация опасна тем, что «теоретическая работа» по развитию этих идей уже давно ведется на базе крупных вузов страны, в них вовлекается всё больше научной молодежи

Элита укрепления или распада государства?

В предыдущей статье мы коснулись очень важной темы, которую можно выделить в отдельное направление диффузной сепаратистской войны. Речь идет об участии представителей российской интеллектуальной элиты в международных учебных и научных проектах, где прорабатываются вопросы, имеющие прямое отношение к легитимации процесса «распада Российской Федерации». В данном случае мы выделяем те работы по теме «регионализма» и «региональной идентичности», которые посвящены изучению и поиску новых «форм социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ» России. (Подчеркнем — новых форм самоидентификации, адресующих к обособлению, а также к ослаблению (и даже разрыву) связи провинции с федеральным центром).

Один из примеров такой работы (уже приводимый нами ранее) — совместный проект Новосибирского национального исследовательского государственного университета и германского Фонда Фридриха Эберта на тему «Сибирская идентичность как форма протеста» (2011–2012 гг.). Сферы своего интереса авторы проекта обозначили следующим образом: «Сибирская идентичность — как новый политический проект (в широком смысле этого слова)» и «взгляд на идентичность как подвижную, ... ситуативную категорию», предполагающую, в том числе, и «процесс конструирования идентичности».

Очевидно, что этот «исследовательский подход» вовсе не исключает такого «конструирования» политической самоидентификации в регионе, которое предполагает его отделение от «метрополии» в независимое государство. Что мы в ряде такого рода исследований и наблюдаем в качестве гипотез или сценариев.

Данный пример, к сожалению, не единственный. В России уже несколько крупных вузов ведут работы по теме «региональная идентичность», причем при грантовой и интеллектуальной поддержке различных зарубежных спонсоров.

В группе таких спонсоров, например, благотворительный Фонд Форда, с конца 1980-х гг. осуществляющий свои проекты по «содействию демократическим политическим и экономическим реформам» на постсоветском пространстве. Один из основных результатов работы данного фонда, которым он гордится, — развал системы соцлагеря в Восточной Европе и затем обрушение СССР.

Среди этого рода спонсоров и Центр Европейского Союза (ЦЕС), принимающий участие в программах «исследования идентичностей российских регионов» и уже имеющий свои филиалы в Калининграде, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Казани и Томске.

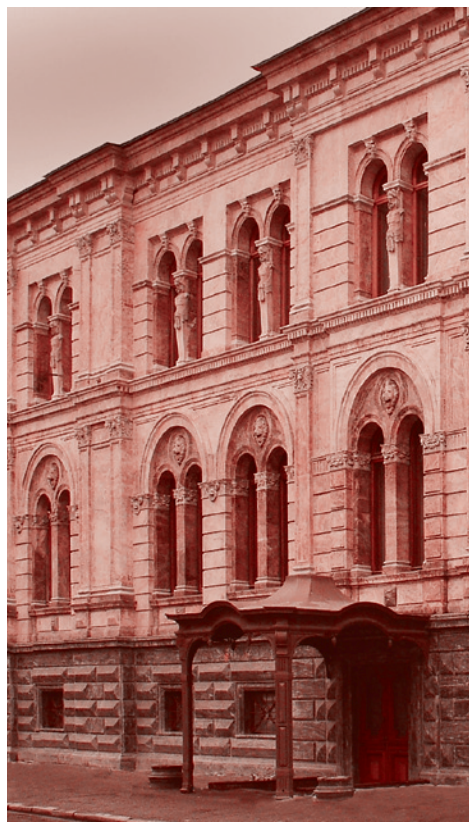
Например, в середине ноября 2013 года в Томском государственном университете (ТГУ) состоялся «первый методологический семинар по теоретическим проблемам исследования идентичностей в пространстве «горюдов» при участии Центра Европейского Союза в Сибири (ЦЕСС).

Сотрудники филиалов ЦЕС занимаются научно-исследовательской и преподавательской деятельностью, устраивают международные конференции и школы для молодых специалистов, обмениваются опытом работы...

Рассмотрим на одном из примеров, в чем же состоит эта работа.

Еще весной 2003 года в Санкт-Петербурге на базе Европейского университета (ЕУСПб) был создан Центр европейских исследований (ЦЕИ), в 2010 г. переименованный в ЦЕС. Главной задачей Центра является «проведение высококачественных исследований и оказание влияния на процесс политической и социальной интеграции между регионами Северо-Запада России и Европейского Союза». Одно из направлений деятельности ЦЕИ — ЦЕС подразумевает изучение «трансформации региональных политических идентичностей под влиянием международного сотрудничества и межрегиональной интеграции».

То есть, речь идет о том, что на основе крупного вуза Санкт-Петербурга создается

Малый мраморный дворец в Санкт-Петербурге — одно из зданий ЕУСПб

учебно-научная «площадка» для содействия «политической и социальной интеграции» между российскими приграничными регионами и Евросоюзом. Причем одно из условий этой интеграции... Чего? Куда?

Куда — понятно. В Европу.

Чего — тоже понятно. Не всей России, а ее приграничных регионов. Понятно также, что эта интеграция, носящая по определению сепаратистский характер, должна осуществляться за счет конструирования необходимых идентичностей, обеспечивающих успешность данного сепаратистского начинания. Что речь идет о таком сдвиге в самоидентификации населения наших приграничных регионов, который позволит с большей легкостью оторвать это население от большой России как чего-то чужого и далекого. И вписать это население в чуждую для него Европу, сделав с помощью новых идентификационных конструкций эту Европу не далекой, а желанной и близкой. Очевидно, что такого рода «смена идентификации» неизбежно чревата (тем более, в кризисных экономических условиях окраинной России) активизацией регионалистских и сепаратистских настроений. И честно говоря, вряд ли кто-то осмелится сказать, что это не так.

Обратим внимание, что ЦЕИ — ЦЕС кооперирует свою деятельность со многими европейскими институтами, а также с (уже известным нам) Северным (Арктическим) Федеральным университетом (САФУ), находящимся в Архангельске. Напомним — с середины 1990-х годов часть научно-преподавательского состава САФУ при поддержке местных регионалистов и коллег из Норвегии активно развивает поморскую тематику. В свою очередь, эти «исследования поморского народа» органично вписываются в такое направление работы питерского Центра ЕС, как «региональная идентичность российского Северо-Запада». И здесь также существуют уже многолетние наработки.

В 2010 году глава ЦЕИ — ЦЕС, доцент факультета политических наук и социологии ЕУСПб М. Ноженко в соавторстве с коллегой Е. Белокуровой выпустила книгу «Северо-Запад России: регион или регионы?». В этом издании были использованы результаты двух международных проектов Центра, реализованных в 2003–2005 годах: «Формирование Северо-Западной идентичности и политико-экономическая интеграция субъектов РФ» и «Региональная идентичность в условиях близости к ЕС (на примере Республики Карелия и Калининградской области)». Обратим внимание на то, что среди спонсоров этих проектов — Американский совет научных

сообществ (ACLS), Фонд Форда, Институт им. Кеннана (США).

В выпущенной (пять лет спустя) книге авторы высказывают сожаление относительно того, что «многие из рассматриваемых процессов (в сфере федеративной и региональной политики) оказались (в России) приостановленными». Но при этом была выражена уверенность в том, «что проведенный анализ и сделанные выводы окажутся востребованными и сейчас, и в будущем, когда российские регионы вновь станут настоящими, обладающими политической автономией субъектами федерации».

О каких же «приостановленных процессах» (о которых авторы отзываются положительно) идет речь, и что предлагается взять на вооружение для движения регионов к «политической автономии»?

Среди «приостановленных процессов», начавшихся в начале 90-х при ослаблении федеральной власти (и запуске «парада суверенитетов»), оказались:

1. Возникновение «сети кооперации, связывающей между собой российские регионы» в виде «Ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ» (где, подчеркнем это сразу, встречались достаточно сильные «обособленные» настроения).

2. Формирование «Межпарламентских ассоциаций», где региональные законодательные органы власти кооперировались для разработки местных законопроектов.

Анализируя политическую жизнь регионов в России до 2004 года (до создания федеральных округов), авторы констатируют, что уже в тот период в экономической и законодательной областях обозначились «интеграционные «горизонтальные» процессы, направленные на превращение Северо-Запада в макрорегион с собственным сообществом окружного уровня». И далее констатируется, что эти процессы столкнулись с «устремлением некоторых элит к формированию региональной идентичности в границах субъектов РФ».

То есть, авторы изначально обозначили в своем исследовании две модели «вписывания» российских регионов в западное сообщество. Одна модель подразумевает «коллективную интеграцию» в рамках макрорегиона «Северо-Запад». Другая — адресует к «регионоцентричному поведению» местной элиты и к «индивидуальному диалогу» на тему кооперации с Западом.

В качестве факторов, влияющих на выбор той или иной модели, авторы рассматривали степень самостоятельности (от Центра) и открытости (для горизонтальных коммуникаций) региональной власти, «историю развития внешних связей региона» (уходящую далеко в досоветскую эпоху), и «наличие политических приемлемой базы для регионального мифа».

Сразу заметим, что два последних фактора напрямую связаны с «вопросом о формировании региональной идентичности», чему изначально и были посвящены исследования. В написанной на их основе книге большое внимание уделено также «проблемам и перспективам межрегиональной интеграции». Это можно объяснить тем, что сами исследователи являются сторонниками «горизонтальной политической и социально-экономической интеграции регионов» и выступают против «жесткого контроля со стороны федерального центра над ситуацией в провинции». Более того, по их мнению, Запад будет способствовать такой «общероссийской горизонтальной интеграции», позволяющей взаимодействовать с приграничными регионами РФ напрямую, без «препятствий» из Москвы.

И в данном случае, интерес авторов к «региональной идентичности» как фактору ослабления связей между регионом и Центром вполне закономерен.

Например, для Новгородской области в качестве «прочной основы для регионального мифа» (и, стало быть, для новой формы политической самоидентификации) в книге названы «история Новгородской веховой республики и прошлые тесные связи с Ганзейским союзом». Здесь налицо «основания»

и для противопоставления региона Москве, и для его сближения с Европой.

Для Калининградской области сначала названы два «региональных мифа»: «пруское прошлое региона» и «западный форпост России» после Великой Отечественной войны. Но второму мифу авторы тут же предлагают альтернативу — в связи с расширением Евросоюза появляется «новая региональная идея» (она же — «третий миф»): «территория сотрудничества Евросоюза и России» (то есть, фактически «пилотный регион» паритетных влияний России и Европы).

В заключении к книге авторы приводят тезисы-рекомендации региональной элите:

1. В регионе должен «возникнуть один центр власти, который бы взял под свой контроль как политику идентичности, так и внешние связи».

2. «Российский Северо-Запад» должен стать «единым пространством, интегрированным как политически, так и социально-экономически».

3. Субъекты РФ, входящие в Северо-Западный Федеральный округ, уже активно включились в трансграничное и приграничное сотрудничество... со странами и регионами ЕС. И вне зависимости от внутрироссийской политической ситуации они будут и дальше участвовать в совместных проектах, ... становиться частью интегрированных (неполитических) сообществ».

То есть, речь идет о том, что Запад готов к «прямому диалогу» с российскими регионами и по модели макрорегиона (например, «Северо-Запад»), и в формате «индивидуальной кооперации» (для этого и спонсируются исследования «региональной идентичности» на базе российских вузов).

Подчеркнем, что за последние 20 лет в России появилось уже достаточно много публикаций, посвященных вопросам «новой самоидентификации регионов». Тем же, кто возмущенно скажет: «Ну и что плохого в том, что регионы самоидентифицируются?», — предлагаем осознать, что речь идет об особом выявлении и конструировании «региональной мифологии» и «региональной идентичности». Что это выявление и конструирование всерьез предлагается осуществлять на основе так называемого «москворочества». То есть, опираясь в построениях идентичности именно на историю противостояния строящих новую идентичность районов — этой самой «варварской», одержимой духом централизации Москве. Такова основная тематическая линия в том построении региональной самоидентичности, которое осуществляется сепаратистами и москвофобами. Кстати, как тут не вспомнить о проклятиях, посылаемых бандеровцами, этими лютыми русофобами, в адрес «москалей». Не отсюда ли растет москвофобия и основанные на ней «разработки»?

Отметим, что территориальный охват подобных исследований уже достаточно широк. Например, существуют диссертации, в которых подвергаются анализу материалы по почти 50 субъектам РФ, включая Калининград, а также регионы Русского Севера, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Главный вопрос — для чего и кем могут быть использованы все эти «теоретические наработки»? В российском обществе регионалистские и сепаратистские идеи пока не пользуются популярностью. Но нынешняя ситуация опасна тем, что «теоретическая работа» по развитию этих идей уже давно ведется не на отдельных полумаргинальных интернет-ресурсах.

«Исследования», адресующие к поиску новых форм самоидентификации для обособления российских регионов, оказываются всё более востребованы на Западе. Они проводятся на базе крупных вузов страны при участии студентов и преподавателей, то есть в них вовлекается всё больше активной научной молодежи. И если этот процесс не осмыслить и не остановить сейчас, то мы вскоре увидим серьезное «пополнение» рядов научной и политической элиты, работающей не на укрепление, а на распад страны.

